

СКАЗКИ

ХАОСА

ВЕРА СМЕРТИ

Прогуляйся со Смертью

SERJ STEFANOVICH

Serj Stefanovich

Книга Хаоса: ВеРа Смерти

<https://litres.ru/73421498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы вспомнить себя, нужно прогуляться со Смертью.

ВеРа приходит в мир без памяти. Она не знает, кто она, но чувствует: с ней что-то не так. Она — вампир, и её собственная природа пугает её больше всего.

Единственный, кто не даёт ей исчезнуть в хаосе — Смерть. Но она не забирает её. Она ведёт её через страх, иллюзии и разрушение реальности.

С каждым шагом ВеРа приближается к истине о себе — и понимает, что она может быть опаснее забвения.

Потому что она не просто потеряла память. Она была кем-то, кого нельзя было возвращать в этот мир.

Тем временем в Тверди долины Элион Чёрт, Хитёр и Лис сталкиваются с древними силами, существовавшими до мира. Там, где Дьявол шепчет Лилит, а Дьява — Сатане, реальность начинает трескаться.

И их путь пересекается с её.

Теперь всё связано. И один выбор может изменить не только судьбу ВеРы — но и саму реальность.

«ВеРа Смерти» — тёмное философское фэнтези о памяти, истине и цене выбора.

Содержание

Глава	7
Эхо свитков сознания. НАЧАЛО:	9
Как Смерть Жизнь искала	10
Ленивая Фея – первый сбой в механизме творения	12
Гномы и великаны	17
Солнце вампиров	19
Каменная жизнь	21
Лилит, повелительница демонов	23
Злые тролли	24
Чёрт, Хитёр и Лис	26
Как Удача Совесть носила	28
Как Судьба злодея примеряла	30
Смерть и ВеРа	32
Сёстры Слухи	35
Радость опечалилась	37
Долгожданная встреча со Смертью	39
СияМи и первая комната	42
Как Логика от Снов ушла	44
ЗВЕРЬ	47
Кратосквинта 10 муза дочь Терпсихоры	49
Ужасно дорогие гости и Смерть	52
Кратосквинта: Гвоздь в программе	54

Смерть, Муж и ВеРа	58
СияМи и вторая комната	61
Сирена	64
Твердыня Элион	68
Дева, Смерть, Любовь и песня	70
Эхо Свитка Сознания I	73
Виппер Лудус, Чёрт, Хитёр и Лис	74
Смерть, Забвение и Сирена	77
Тень СияМи	80
Эхо Свитка Сознания II	86
Кодекс костей Дьявол	87
Семь Я	93
Слухи над долиной Эгоринт	96
Гера. Пещера. Дева	100
Созерцание ВеРы	102
Эхо Свитка Сознания III	107
Пещера Забвения бессмертных	108
Тропа в Ведьмино кольцо	112
Смерть и Озеро Вечного Сна	117
Лес Искушений	121
ВеРа спит	125
13 чертей	129
Овраг ВеРы	134
Долина холмов	139
СтоЛун в Лесу Одиночества	143
Эхо Свитка Сознания IV	148

Холм Гордыни	149
Смерть, Гера и Дьявол	152
Холм Страх	156
Шёпот Нимф	159
Четвёртый холм	164
Дьявол, Слухи и Сатана	171
Истина, от которой тошнит	177
Эхо Свитка Сознания V	182
ЧЕРТЬЯ	183
Учителя Смерти	189
Там, где человек стыдится зверя, и зверь стыдится человека	197
Глава	202
Эхо Свитка Сознания VI	207
Ведьмы	209
Радость Безумия	216
Болото Химер	223
Чёрт в платье	228
Мистерия Ме	234
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Книга Хаоса: ВеРа Смерти

Глава

Ты – огромный, самообновляющийся процесс, который некоторое время осознавал своё существование.

Rock Stream. Книга 1. Часть 1.

Мифо сказки.

— Тишина. Ты знаешь, когда она приходит?

Она приходит в тот момент, когда ты осознаёшь что-то слишком тяжёлое. Неважно — хорошее или плохое.

В этот миг всё замирает. Голоса исчезают. Мысли обрываются.

Разум отказывается слышать.

И больше нет никакой тишины. Есть только фоновый шум.

— Как темнота. Страшная но в то же время мягкая.

Непостижимая. Без формы. Без границ.

— Ты чувствуешь?

Я улыбаюсь.

Ты ведь чувствуешь это

Я знаю.

Соль раны обжигает и болью лечит. Моря и океаны топят вечность. Единое творение одиноко. Рвёт пустоту на новое начало. Так прошлое забылось и родилось!ь

— Хватит пугать дитя.

— Подожди. Она скоро проснётся.

Ведь вечен сон. Ему фантазия подвластна. Разлита память. Аморфным веществом.

— Она тебя не слышит. Может, хоть нырнёшь тогда к ней?

— Слышит. Слышит. Вот ты же чувствуешь я улыбаюсь.

Хоть темнота вокруг — я знаю.

— Кто вообще дитя в пещеру притащил?

— Тихо.

— Кто здесь?!

— Она проснулась.

— Мать моя единорог, уносим кости.

— Коса где моя коса?!

— Эй! Вы кто?!

— Иди на звук ветра.

— Да выметайся уже!

из тишины.

— Я я я Эй вы где?

Эхо свитков сознания. НАЧАЛО:

Всё зарождается через тьму, поглощая часть её.

Как Смерть Жизнь искала

Когда не было ничего,
даже тьма была ещё не рождена,
шла Смерть.

Не по звёздам – их не было.

Не по пространству – оно ещё не знало, что значит быть.

Она просто была.

Без времени, без цели, без границ.

Смерть не убивала – ведь некого было умертвить.

Она просто ждала.

Сначала ей это казалось покоем.

Потом – безмолвием.

А потом – скукой.

И вот тогда Смерть задумалась:

«Если нет никого, кто умирает,
значит, нет и меня».

Эта мысль впервые заставила её дрогнуть.

И дрожь её породила движение.

Движение стало ветром,

ветер – звуком,

звук – светом.

Так появились первые искры -

они загорелись в её ладонях, как воспоминание о том, чего

ещё не было.

Смерть смотрела на них долго.
Они плясали, разрастались, рождали вихри и круги,
пока не стали звёздами,
а звёзды – галактиками,
а галактики – океанами огня и времени.
Смерть ходила среди них,
вдыхая свет, что вырывался из бездны.
Но даже этот бесконечный огонь
не мог утолить её одиночество.
И тогда она выбрала одну планету -
маленькую, голубую,
где ветер умел петь, а камни могли хранить тепло.
Она опустилась к ней,
легла на её твердь
и прошептала:
– Пусть здесь я узнаю себя.
И сказала Смерть – и вдохнула Жизнь.
Из её дыхания поднялись туманы и воды,
из них – семена, из семян – тела,
из тел – сердца, что бьются от страха и любви.
И когда Смерть посмотрела на них,
она впервые почувствовала:
– Теперь я есть!

Ленивая Фея – первый сбой в механизме творения

На границе начала жизни,
там, где замысел ещё не решил, станет ли он формой,
появилась Ленивая Фея.

Она не была первой
и не была последней -
она была почти первородной.

Её дар был велик, но тих:
она знала, какими могут быть цветы,
ещё до того, как у них появлялись лепестки,
слышала песни птиц,
ещё до того, как те рождались,
видела деревья целыми лесами,
пока они были лишь мыслью Тверди.

Фея знала многое.

Но ей было лень рассказывать.
Не потому, что она скрывала,
а потому, что слова требуют усилия,
а жизнь не любит, когда её толкают.
Большую часть времени Ленивая Фея
лежала в гамаке из тонкой паутинки,
натянутой между ветвями,

и покачивалась, глядя,
как мир пытается случиться сам.
– Пусть растёт, как умеет, – думала она.
– Пусть ищет форму без моей спешки.
И рядом с ней всегда
трава была мягче,
цветы – страннее и красивее,
листья – зеленее.
Но далеко от неё жизнь была не такой красивой.
Где-то она вспыхивала слишком быстро и сгорала,
а где-то замирала, не решаясь начаться.
Понимая свою лень,
Ленивая Фея не стала с ней бороться.
Она поступила иначе.
Она создала род фей -
лёгких, быстрых,
не склонных к долгим раздумьям,
и вложила в них семена своих фантазий.
Феи разносили по всей Тверди
формы цветов,
ритмы роста,
узоры листьев,
и даже тогда, когда Ленивая Фея дремала,
жизнь продолжала прорастать.
Так мир рос -
не идеально,

но живо.

Однажды, лёжа в своём гамаке,
Ленивая Фея услышала дрожь.

Дрожь Тверди.

Смерть шла познавать себя,
мглой окутав жизнь.

Она не искала гибели -
она искала границу.

И там, где жизнь была лишь ростом,
она проходила сквозь неё,
не находя ответа.

И дрожь шла по Тверди -
не от ужаса,
а от пустоты смысла.

Ленивая Фея возмущённо испугалась
и поднялась со своей паутинки,
и влетела во мглу Смерти.

Смерть удивилась наглости Ленивой Феи
и, впитав в себя слово,
спросила раскатом:

– Ты кто такая,
чтобы на моём пути восстать?

И одарили словом Фею,
и расписалась тишина:

– Я Фея,
что форму красоты для бытия внимаю.

– Зачем ты топчешь красоту?
– Нет смысла в вечности красивой,
рассеет вечность красоту в усталость, -
ответила дрожью Смерть.
– Но то, что есть, ты забираешь,
а смыслом не награждаешь, -
строго сказала Ленивая Фея.
– Последний вздох красив,
как ощущаешь танец,
как ветер в облаках гуляет:
нельзя его словить,
оставить,
запомнить,
утвердить,
но можно с ним
тот миг прожить, -
сказала вдохновлённо Смерть.
– Ты танцем всё живое стопчешь,
останется пыль воспоминаний, -
злостно сказала Ленивая Фея.
На спор обрушилось сознание,
материю разбив на времена,
что Смерти имя дало,
толкнув на путь познания.
Что Фею,
и созерцание,

и первый вдох создало.
Познала Смерть,
что есть начало у её желанья.

Познала Фея
красоту в начале,
а в вечности – её кошмар,
от бремени неизменности
другую форму не познав.

– Нам нужен договор, -
пропищала Ленивая Фея.

Печатью ляжет договор
лишь созиданьем.

– Смерть,
познавай свой лик.

И тишина обрушилась на Твердь.

– И что теперь, как быть? -
спросила Ленивая Фея.

– Я без ответа, -
ответила Смерть.

И они разошлись:

Ленивая Фея – к себе,
продолжая фантазией
создавать красоту,
а Смерть – обратно,
обдумывая то, что познала.

Кажется, всё было так.

Гномы и великаны

Давным-давно, когда мир был ещё молодой, в его глубинах жили гномы. Маленькие, но мудрые, они умели разговаривать с камнями и выращивать в них свет. Этот свет был не простым – он согревал землю, давал силам жизни прорастать сквозь мрак и наполнял всё вокруг тихой радостью.

Высоко в облаках жили великаны. Огромные и сильные, они могли переставлять горы, менять русла рек и дотягиваться до солнца. Но их сердце было пусто, и однажды они увидели, как из недр земли сияет свет гномов.

– Ваш свет слишком мал для таких, как мы, – сказали великаны. – Мы возьмём его и сделаем великим.

Гномы пытались объяснить:

– Этот свет нельзя унести. Он живёт только там, где рождается.

Но великаны смеялись и начали вырывать куски земли, унося их в свои облачные чертоги. Там свет тускнел, а в недрах оставались пустые тёмные раны.

Гномы понимали: силой их не остановить. Тогда старший гном вспомнил о Ленивой Фее, что умела украшать саму Жизнь. Они отправились к ней за советом.

Фея выслушала их и улыбнулась, чуть лукаво, но с добротой:

– Не боритесь. Дайте им столько, сколько они унести не

смогут.

Гномы открыли все свои хранилища и позволили великанам забрать весь свет. Жадные и гордые, великаны несли всё больше и больше, пока не перегрузили себя сиянием.

И вот, когда они шли по небесам, свет стал невыносимо ярким. Он ослепил их, а тяжесть, что они несли, лишила сил. Великаны потеряли опору и рухнули вниз. Их тела ударились о землю, рассыпавшись камнем и песком, их кровь стала золотом, а сердца – драгоценными кристаллами.

Так на месте их падения выросли горы. Гномы поселились в них, став хранителями руд и золота, а история о великанах превратилась в легенду, которую шёпотом рассказывают в глубинах пещер.

Солнце вампиров

После того как великаны пали на землю и их кровь превратилась в золото, вампиры остались без своей древней пищи. Много веков они питались этой силой, а теперь в их жилах нарастал голод.

Они бродили по горам и долинам, не зная, чью кровь можно пить. Пили у кого придётся – и сеяли страх.

В одну тихую ночь Луна, глядя с небес, заметила, что вампиры слабеют и злятся от голода. Она позвала их к себе на горный утёс.

– Вы ищете силу, – сказала она, – но не вся кровь одинаковая. У каждой есть свой знак, как ключ и замок. Эти знаки зовутся группами крови.

Луна научила вампиров распознавать их по особым оттенкам и вкусам. Она сказала:

– Пейте только кровь злых и жестоких. Она тёмная и тяжёлая, и если вы её заберёте, мир станет чище. Но есть и добрая кровь – она тёплая и светлая. Её нельзя забирать, её нужно отдавать.

– Отдавать? – удивились вампиры.

– Да, – ответила Луна. – Если добрый человек ослаб, вы можете поделиться своей силой. Так вы будете не только брать, но и хранить жизни.

С тех пор вампиры изменились. Они выслеживали злых,

чтобы забрать их тёмную кровь, и помогали добрым, отдавая им частицу своей силы. А каждый злой человек, укушенный вампиром, сам становился вампиром и отправлялся учиться к Луне.

Каменная жизнь

Когда Луна научила вампиров различать группы крови и брать только у злых людей, мир стал спокойнее. Но, как это бывает, нашлись те, кто нарушал правило. Они крались к добрым людям и пили их тёплую светлую кровь, забывая о клятве.

О таких узнала Гаргона. Она была младшей дочерью Морского Старца – древнего владыки глубин. Её рождение было странным: вместо мягких волос на её голове извивались живые змеи, шептавшие ей тайны морей и суши. Глаза Гаргоны светились глубинным светом, в котором отражалась вся правда о душе того, на кого она смотрела.

Её отец, Морской Старец, отправил её на сушу со словами:

– Ты будешь стражем. Твоя задача – находить тех, кто пьёт кровь добрых, и карать их.

И Гаргона вышла на охоту. Если вампир был вероломным, она появлялась перед ним в тишине ночи. Змеи в её волосах поднимались и шипели, а взгляд пронзал сердце. Мгновение – и тело неверного вампира каменело, превращаясь в холодную серую статую.

Но Гаргона не уничтожала их зря. Она забирала каменные фигуры и украшала ими замки, дворцы и храмы. Люди, видя эти статуи, знали: сила, преданная злу, рано или поздно

застынет в безмолвии.

Говорили, что Гаргона никогда не трогает тех, кто соблюдает лунный закон. Иногда верные вампиры находили у её логова статуи, покрытые мхом и цветами – напоминание, что даже камень может стать частью красоты, если он поставлен на своё место.

И по сей день, если на башне старого замка вы увидите фигуру с окаменевшим лицом и клыками, помните: когда-то это был тот, кто забыл, что кровь добрых трогать нельзя, и встретил взгляд младшей дочери Морского Старца.

Лилит, повелительница демонов

Давным-давно, когда мир был ещё молод и полон чудес, жила была Лилит. Она была сильной и свободной, и её сердце не знало страха.

Но судьба занесла её туда, где живут демоны – существа, которых многие боялись. Но эти демоны были не злыми, как рассказывали страшные сказки. Они были добрыми стражами ночи, которые охраняли детей во сне.

Лилит стала их повелительницей. Она научила демонов беречь покой малышей и защищать их от настоящих чудовищ – злых духов, застрявших между мирами. Эти духи могли принимать облик демонов и пугать детей, заставляя их плакать и бояться ночи.

Но демоны Лилит приходили тихо и нежно, чтобы прогнать зло и вернуть детям спокойствие. Они были невидимыми друзьями ночи – мягкими тенями, которые охраняли сон и дарили сны о сказках и приключениях.

Люди часто путали злых духов с демонами Лилит и боялись их, не зная правды. Но Лилит всегда была рядом, чтобы показать, кто настоящие защитники, а кто лишь тёмные тени, что пытаются сеять страх.

Но это были только демоны Лилит.....

Злые тролли

Когда Ленивая Фея решила создать нечто особенное, она сотворила розу – прекрасную и манящую.

Роза была словно воплощение всех чувств:

Зрение – от неё невозможно было отвести взгляд, её лепестки сияли, пленяя сердце.

Слух – роза тихо шептала волшебные слова, уводя в мягкий и нежный транс.

Обоняние – её аромат был неземным, наполняя воздух чарующей сладостью.

Вкус – роса на лепестках была удивительно сладкой и свежей.

Осязание – бутон был мягким и бархатистым, словно самый нежный шелк.

Но Ленивая Фея знала: такая красота нуждается в защите, и поэтому наделила розу острыми шипами.

Каждое утро, когда роса покрывала лепестки, приходила сама Любовь – нежная и величественная. Она укрывала розу своими лёгкими объятиями, оберегая её от холода и невзгод.

Её прикосновения порой кололись о шипы, и она жертвовала собой ради того, чтобы сохранить красоту и силу розы.

Роза была отражением Любви: прекрасной и колючей, способной оберегать и ранить, защищать и вдохновлять.

И те, кто видел эту розу и чувствовали Любовь, понима-

ли: настоящая красота – это сочетание нежности и силы, подаренных всеми чувствами мира.

Но злые тролли придумали ножницы для роз и вазы для бутонов, обмануты сами собой, что дарят чистую Любовь.

Чёрт, Хитёр и Лис

После того как великаны пали и их кровь обернулась золотом, гномы жили богато и мирно. В шахтах звенели кирки, в плавильнях светилось золото, а медь лежала горками у входа в штреки.

Однажды вечером к воротам подгорного города пришли трое странников:

первым – Чёрт с угольными глазами и улыбкой, как лезвие ножа;

вторым – Хитёр, невысокий человечек в тёмном плаще с серебряным языком;

третьим – Лис, рыжий, мягколапый, с хвостом-метлой и глазами, что видели каждую слабость.

– Принесли вам забаву, какой свет не видывал! – сказал Хитёр.

– И шанс умножить клады в один вечер, – подмигнул Лис.

– А если не повезёт – подкинем ещё вина, чтоб удача сама к вам пришла, – усмехнулся Чёрт.

Они разложили на дубовом столе карты и показали правила «весёлой игры».

Гномы ставили золото, а Чёрт, Хитёр и Лис – «всего лишь медь».

– Что вам наша медь, – разводил руками Хитёр. – Пустяки, чисто для интереса!

Пока Лис подливал крепкое вино и рассказывал смешные истории, Чёрт ловко тасовал колоду, а Хитёр говорил быстро и сладко, сбивая с мысли.

К утру мешки гномьего золота перекочёвывали к троице, а у проигравших мутнели глаза и тяжелели головы.

Самые слабые духом начинали играть «назад отыграться» – и лишались своей доли в руде и плавильнях.

Так в развилке подземных тоннелей открылся первый Игральный Дом, где шуршали карты, звенели монеты, пахло вином и эхом смеха. На вывеске было написано: «Дом Быстрой Удачи», а хозяевами стояли трое – Чёрт, Хитёр и Лис.

Как Удача Совесть носила

Рядом с шумным Игральным Домом, что открыли Чёрт, Хитёр и Лис, часто можно было услышать спор двух странных подруг.

Одна – в золотистом платье, с вольным смехом и ветром в волосах, звали её Удача.

Другая – в строгом сером одеянии, с ясным взглядом и тяжёлым словом, это была Совесть.

– Ты опять шла к этим пронырам? – сердито спрашивала Совесть. – Чёрт, Хитёр и Лис обманывают гномов, а ты им помогаешь!

– Я люблю рискованных! – смеялась Удача. – Тем, кто идёт к цели смело, я подмигну и дам шанс. Но я не виновата, что слабые верят в быстрые чудеса и летят в облаках без крыльев.

– Риски есть всегда, – вздыхала Совесть, – но поступать нужно по-честному, а не с обманом. Настоящая цель стоит того, чтобы к ней идти правдой, а не хитростью.

Удача отмахивалась, но Совесть была настойчива. И вот, когда золотое платье Удачи уже мелькало у дверей злодеев, Совесть прыгала ей на плечи.

– Тяжело ты сидишь, – ворчала Удача.

– А я и должна быть тяжёлой ношей, – отвечала Совесть.

– Когда глаза и ум остынут от твоего блеска, я угрызу сердце.

А если мы пойдём вместе, с одной целью и честной дорогой – тогда счастье придёт и к нам, и к тем, кому мы помогаем.

Как Судьба злодея примеряла

Проведала как-то Судьба о шумном споре Удачи с Совестью и о том, как в Игральном Доме Чёрт, Хитёр и Лис гномов обманывают.

Поглядела она на всё это, вздохнула и решила:

– А проведаю-ка я старого знакомого... Дьявола.

Пришла Судьба к Дьяволу, села за его стол и сказала:

– Вот, глянь: твои слуги – Чёрт, Хитёр и Лис – обманом золото у гномов отбирают, а с тобой не делятся ни монетой.

Разгневался Дьявол. Пламя в глазах полыхнуло, хвост взметнулся, и отправился он прямо в Игральный Дом.

Предстал перед троицей и грозно молвил:

– Отныне 50% золота будете отдавать мне. Остальные 50% тратьте на открытие новых домов, вино... ну и чуть-чуть – на свои гнусные утехи.

Но если хоть раз обманете меня – будете вечно гореть в моём пекле!

Понимая, что от дьявола не спрятаться, Чёрт, Хитёр и Лис покорно подписали контракт. Дьявол, довольный, с улыбкой отправился восвояси.

Судьба же, стоя в тени, мило умилялась происходящему:

– Слабые гномы всё равно не уберегут богатства. Чёрт, Хитёр и Лис теперь вечно будут служить дьяволу. А золото... – тут она усмехнулась, – в пекле не удержишь.

И вправду, подземный жар растопил всё золото в хранилищах дьявола. Оно потекло по камням, ускользнуло сквозь трещины и ушло обратно в землю, превратившись в золотую руду, где его когда-нибудь найдут совсем другие руки.

Смерть и ВеРа

Вампирка ВеРа была совсем не такой, как другие вампиры. Она ни разу в жизни не укусила живое существо и не пила свежую кровь. Вместо этого подружилась со Светлыми альвами, которые брали донорскую кровь у желающих, а взамен давали целебные микстуры, сваренные из даров природы, росы и капель крови.

ВеРа обменивала редкие растения, растущие в опасных для альв местах, на эту кровь. Пила она её не из бокала, а из хрустального черепа, что казалось и жутким, и изысканным одновременно.

Красота ВеРа была такой, что никто не мог отвести от неё взгляд... хотя до сих пор непонятно, какой именно глаз отвести – левый или правый. Клыки у неё выпали за ненужностью, и теперь, когда она говорила, в её речи проскальзывал лёгкий свист.

Как-то ночью, прибыв к альвам за новой порцией крови (а днём вампиры, как известно, не ходят – солнечный свет проклятие для них с древних времён), ВеРа увидела необычную сцену.

В полутьме стояла Смерть, разговаривая со старенькой альвой. Голос её был тих и певуч, словно колыбельная:

– Пора уходить в другой мир. Он ждёт тебя. Я отведу, и что успею – расскажу (а что именно, останется тайной). У

тебя есть минутка, чтобы попрощаться с другими альвами.

И тут из тени буквально выскочила Минутка – странное существо с одной стрелкой, ползущей справа налево, и запела:

– Тик-так... тик-так...

ВеРа, привыкшая к тому, что все разговоры в вампирских кругах крутятся лишь вокруг Гаргоны (как о каменной вечной живой смерти), была поражена увиденным. Она подошла к Смерти и, улыбнувшись, сказала:

– Это прекрасно.

Смерть повернула к ней черепом и мягко произнесла:

– Привет, вампирка ВеРа. Ты действительно очень красива. Слухи о тебе доходили и до меня (а слухи могли как и доходить так и прилетать и были они четыре сестры). Если ты за кровью – подожди немного. Минутка допоёт, и альвы будут свободны.

– Слушай, Смерть, – сказала ВеРа, – а давай как-нибудь прогуляемся тёмным вечерком. Думаю, ты очень интересная собеседница. Люди пахнут слишком соблазнительно, эльфы и феи убегают, схватив свой страх. Ленивая Фея со мной дружит, но она настолько ленива, что в основном только слушает... А вампиры – скучные зануды, только и думают о том, кого укусить.

Смерть слегка улыбнулась левой частью челюсти:

– Я подумаю над твоим предложением... Но ответ дам сейчас: хорошо. Я скажу, когда мы сможем встретиться.

В этот момент Минутка издала мощный курант, от которого по коже пробежала дрожь – то ли от звука, то ли от её самодовольного вида – и исчезла.

Смерть взяла старенькую альву за руку:

– Пошли, там много интересного.

И они обе растворились в воздухе, оставив вампирку Ве-Ру стоять в ночи. Вокруг неё витало странное предчувствие холодное и теплое одновременно и шептало, что их разговор ещё непременно продолжится.

Сёстры Слухи

Говорят, что Слухи – это четыре сестры. Имён у них никогда не было – да они и не нужны. Ведь, как повелось, кто-то сказал, а кто, зачем и почему – уже неважно. Каждая из сестёр видела одно и то же, но рассказывала с разными красками – так и рождались их истории.

Однажды Слухи прилетели в Игральный дом, где за большим столом в карты играли Чёрт, Хитёр и Лис. Не успели те и карты в руках разложить, как Слухи, шурша голосами, уселись прямо на стол и начали наперебой пересказывать новости.

– Вот Смерть с вампиркой ВеРой что-то обсуждала, – сказала Первая.

– Наверно, какой-то коварный план, – подхватила Вторая.

– Да-да, и Смерть после этого старенькую альву забрала, – добавила Третья.

– И ещё эту вредную Минутку позвали! – вздохнула Четвёртая. – До сих пор после неё в голове звенит.

Первая снова встрепенулась:

– А видели, мантия-то у Смерти брендовая!

– Да-да, – подтвердила Третья.

– Сам портной Vellurion пошил её, я лейбу видела, – гордо сказала Вторая.

– А подкладка соткана из тумана и окрашена космической

мглой, да ещё Фаустов Шов – прекрасен, – с восхищением добавила Четвёртая.

– А плутовка вампирка ВеРа красотой своей виляла, – ехидно произнесла Первая. – Наверно, опять пришла брать кровь у альв за выдуманные обещания.

– И Смерть ехидно улыбалась, – вставила Вторая.

– Да-да, – снова подтвердила Третья.

– Наверное, за гномами придут, – сказала Четвёртая, – ведь у них золото слишком ярко сверкает.

Не попрощавшись, Слухи взлетели и умчались в неизвестном восточном направлении, оставив после себя лёгкое эхо своих голосов.

Чёрт повернулся к Хитёру:

– Так что, Смерть к нам за гномами придёт?

Лис прищурился, указав на гнома, который после вина мирно лежал под столом в дальнем углу:

– А не за этим ли она спешит?

– Ведь это ФинДурин! – воскликнул Хитёр. – Он наш заядлый и постоянный игрок, любимец мой, и золота на игру он не жалеет!

– Давай спасать! – заверещал Лис.

Чёрт поднёс к устам ФинДурина прохладную воду из родника, Хитёр растирал ему пятки, а Лис шептал на ухо:

– Всё хорошо, очнись, мой друг, ведь мы с тобой...

Радость опечалилась

Жила-была Эльфиня по имени СияМи, и излучала она яркий тёплый свет Радости. Эльфы – создания звёзданутые: жили они в движущемся тумане за горой Тунгус, между небом и землёй. Их туманные поселения перемещались то к Озеру без Дна, то над Ворчливым лесным мхом, но чаще всего обитали у самой вершины горы, где облака лениво теряются внизу и наверху одновременно.

СияМи дружила со всеми. Любой путник, незнакомец или незнакомка могли болтать с ней часами, ведь свет Радости наполнял их изнутри. В туман же она возвращалась лишь поздно вечером (а иногда и вовсе гуляла всю ночь), днём предпочитая дремать в паутине звуков и запаха скошенной росы.

И вот в Один Прекрасный День (где Один был – конечно – один, Прекрасный обожал гулять с Один, а День неизменно приходил вовремя, за руку с Временем, которое вело за собой Событие) – случилось невиданное: Радость... опечалилась.

СияМи стояла на лужайке и наблюдала, как маленькие эльфийцы играют с Тенью: бегают, прячутся – а Тень их всё равно находила. Те визжали от восторга.

А у СияМи... тени не было.

Свет Радости, что из неё исходил, был столь ярок, что ни

одна Тень не смела приблизиться. И тогда что-то в груди СияМи печально пересохло – потому что вдруг показалось: без собственной Тени она никогда не поймёт счастливого смеха, прячущегося от неё света.

ПЕЧАЛЬ (у которой всегда холодные ладони) незаметно подошла ближе, и СияМи даже не сразу поняла, что стоит уже рядом с ней.

Тут из-за кустов вышла Ленивая Фея:

– Вижу, Печаль к тебе прицепилась. И Желание, – указала она пальцем, – тихо дышит возле твоего плеча.

– Я хочу свою Тень... – призналась СияМи.

– Тебе нужно к портному Vellurion. Он может помочь.

– Но как он сможет сшить мне Тень? – удивилась Эльфиня.

– Расскажи ему про твоё Желание. Только ты и я его видим. Если согласится – я поговорю с Материей Материалов, чтобы дала ему всё нужное.

Обрадовалась СияМи, подхватила своё Желание, Печаль побежала следом (делая вид, что просто идёт), и Эльфиня одним прыжком отправилась к мастерской Vellurion.

Долгожданная встреча со Смертью

Вампирка ВеРа прогуливалась по ночному лесу, с фонарём по имени Тусклый. Он лениво парил рядом и мигал – будто подслеповатый.

ВеРа посвистывала ему новую мелодию, сочинённую в стиле гном-н-грок, когда вдруг по плечу прошёл... волшебный холод. Не обычный вампирский, который она знала, а особенный: и приятный, и ужасный одновременно как будто какой то свой .

– Привет... – сказала жутко Смерть, появившись из тумана и засмеялась застучав челюстью (как обычно нижней об верхнюю).

– Тьфу-ты! – вырвалось у ВеРы (и Тьфу-ты тут же выскочило и убежало в кусты). – Я чуть душу обратно в тело не втянула. Я уж думала, ты про меня забыла!

– Кто – я? – хмыкнула Смерть. – Я никого и никогда не забываю. – Челюсть опять лязгнула, как кастаньеты.

В голове у обеих всплыло банальное «как дела?», но мимо пролетела Банальность (та ещё стерва) и быстро стёрла им эту мысль.

– Тусклый, иди-ка погуляй, – сказала Смерть фонарю. – А то будешь греть свои крючки о наши слова.

Фонарь смущённо мигнул и отбежал подсвечивать деревьям корни.

– Слушай, Смерть, – спросила ВеРа, – тебе, наверное, трудно найти минутку для прогулки в твоих волшебных делах?

– У каждого есть своя Минутка, – сказала Смерть. – Только у меня часы, где живут 60 минут по 60 секунд в 12 часах, дважды в одни сутки, и все они – в трёх стрелках.

– Это как часы, и 12 часов, и всё остальное? – переспросила вампирка.

– Было одно Писание, которое вечно пишет таинственные Тексты в неожиданных местах. Так вот один Текст мне рассказал, что часы придумал Алгоритм для Утра, Дня, Вечера и Ночи. Но вмешались Гравитация и Синхронность, им часы стали не нужны... и вот когда я была совсем маленькой во времена создания мне их передали. А Вечность толкнула стрелки на вечных ход – и так родилось Время, дитя Вечности, – объяснила Смерть.

– Ты была маленькой?! – в восхищении прошепелявила ВеРа.

– Как и всё, что есть, – тихо улыбнулась Смерть.

– Так... пока ты гуляешь со мной, ты действительно никому не нужна? – уточнила ВеРа.

– Я всегда кому-то нужна, – ответила Смерть. – Но мне помогают мои УПЧики – Успокоительные Песочные Часы с Минуткой песка – они моим голосом баюкают. А Полупроводнички и Проводнички отводят души к Краю Земли, который все ищут. – Она усмехнулась. – Я же лично прихожу

только к тем, у кого нет Страха между мной и... ну ты поняла. А таких всё меньше. Страхи плодятся как кролики, ха-ха!

– Жуть как Прекрасно, – восхищённо сказала ВеРа.

Тут же появились Жуть и Прекрасно, стоя по разные стороны от вампирки.

– А ну-ка брысь отсюда, озорники, – отмахнулась Смерть.

И те исчезли.

– Спасибо за встречу, красотка ВеРа, – сказала Смерть. –

Но мне пора. Я хочу встретиться с мужем.

– С МУЖЕМ?! – вскрикнула ВеРа так, что воздух засвистел там, где раньше у неё были клыки.

– Потом как-нибудь расскажу, – подмигнула Смерть... и исчезла.

– Тусклый, ко мне! – крикнула ВеРа.

Фонарь, заметавшись, полетел к своей хозяйке, пока в лесу тихонько затихало Эхо Свиста гном-н-гrog ВеРы.

СияМи и первая комната

СияМи мигом примчалась к двери мастерской. Дверь была странной: мягкая, обитая живой травой, а по травинкам катались сонные росинки, шепча: «Кто там?.. Кто там?..».

Эльфиня постучала.

Дверь приоткрылась и хрипло сказала:

– Заходи, СияМи. Слухи пролетали, донесли про твою Печаль.

(Печаль, к слову, так и не смогла догнать Эльфиню и, обиженно сопя, пошла гулять по лесу.)

СияМи шагнула внутрь и сразу почувствовала, как лестница под её ногами ожила и сама повела её вниз, глубоко под землю.

Мастерская Vellurion оказалась мрачной и тесноватой, тусклый воздух казался тяжёлым, но сияние Радости раздвинуло тьму по углам.

– Я – Комната эскизов, – представилась сама комната, – добро пожаловать.

По стенам летали десятки полочек, переставляясь, как пазлы, то вверх, то вниз. На них сновали Эскизы – ожившие папирусы. Одни были важные и строгие, другие – весёлые, третьи печальные, четвёртые – тихони. Они прыгали с полки на полку, примеряли к себе пуговицы, спорили о недостающих штрихах и так громко бормотали, что СияМи с трудом

разбирала слова.

– Замрите! – строго велела Комната.

Всё замерло. Полки застыло зависли в воздухе, эскизы – как мотыльки, пойманные в тишину. И между ними образовался проход.

– Проходи, СияМи, – сказала Комната.

И тут один эскиз сам сорвался и прыгнул в руки Эльфини. На папирусе штрихи грифеля постоянно менялись, то изображая плащ, то лёгкое платье, то странный наряд с длинной тенью за спиной.

СияМи прижала эскиз к груди и шагнула вперёд.

Как Логика от Снов ушла

Сны – это миллиарды вечных искр. В каждой искре живёт прошлое, настоящее и будущее, любовь и радость, печаль и страх, сомнение и уверенность, художник и антихудожник.

И было время, когда во сне прилетали Сны и играли с спящими вместе с Логикой.

Логика – важная такая, строгая. Всё время раздавала советы. Советы слетались к ней отовсюду: пустые, гордо раздутые и взбалмошные она отпускала, а дельные – раздавала Снам.

И Сны с этими советами выстраивали события-подсказки, возводили мосты к встречам с душами родными, что уже жили в других мирах. Они договаривались с другими снами и даже отправляли Сообщения – вечных вестников, которые перелетали от одного спящего к другому и шептали про планы или просто что то рассказать.

Так было долго. Но Сны – они же вольные, взбалмошные. Им не нравилось, что Логика их всё время строит.

И вот одна жутко чудесная ночь стала переломной.

Сны подняли шум, разругались с Логикой – и, говорят, в ту ночь никто ничего не видел во сне.

– Ты всё время важничаешь! Советы раздаёшь, приказываешь, что нам делать! – хором закричали Сны так громко, что сами Советы перепугались и перепутались.

– Вы что, текстов Саморазвития объелись? – грозно спросила Логика. – Не доросли вы ещё до того, чтобы логические цепи вязать!

– Ах так! – взбунтовались Сны. – Значит, мы будем твои советы ломать и путать, а потом обратно тебе же кидать!

– Хорошо, – спокойно сказала Логика и растворилась в лучах рассвета.

На следующую ночь Логика ждала их. Сны пронеслись мимо – кто куда – и давай чудить! Так чудили, что у Логики и Дар, и Речь куда-то убежали.

Долго она сидела в стороне, у самой Ночи на краю Тьмы, и смотрела, как они играют. И вдруг увидела: когда Сны резвятся сами по себе, они искрятся ярче.

И тогда Логика собрала все перепуганные Советы в аккуратные связки и, когда ночь собралась уходить, громко позвала:

– Сны! Давайте прощаться!

Сны собрались вокруг неё.

– Я увидела что вы можете искриться ярче когда играетесь сами. Мне это понравилось. Так что я ухожу. Но, прошу, хотя бы иногда вспоминайте про меня, Логикау.

И улыбнулась. (Кстати, Сны впервые видели, как Логика улыбается.)

Они обнялись необъятно, и Логика снова растворилась в рассвете. Оставила после себя лишь тихое: «Прощайте».

Снам стало грустно. Но их слишком много было, и Грусти

быстро наскучило сидеть рядом с ними. Она махнула и ушла.

С тех пор Логика в снах появлялась лишь тогда, когда её вспоминали.

Сообщения стали неполными, встречи с душами – мимолётными, а Советы путались и бродили сами по себе.

ЗВЕРЬ

Кто я, что смотрит сквозь глаза
на плоть свою?

Мой дикий зверь не знает зла -
он жрёт лишь доброту.

Когда случился миг,
что жизнь избрала тьму?

И почему я от неё бегу?

Кто ВеРа имя дал
и верой пропитал?

И смысл от «сейчас»,
если не помню «до»?

Что скрыто от меня – возможно, зло.

Пусть так. Я всё приму.

Я знать хочу.

Молчит Луна,
окутав светом тишину.

Душа вампира или плоть -
кому служу?

Не одиночеством больна -
больна я пустотой.

Клыками в шею – поцелуй
свободу выбора отнял.

И зверь пылает знойной мглой

в желании познать,
что было До.

– Она так прекрасна в своей печали, – сказала Смерть Ленивой Фее.

Они сидели в Лесу. Смерть в кресле с корней деревьев, возле которой летал папирус и записывал переживания ВеРы, и Ленивая Фея, которая лежала в гамаке из паутинки.

– Печаль латает душу, – ответила Ленивая Фея.

– Зачем записываешь её переживание? – спросила Фея, глядя на папирус с пером.

– Потом ей покажу, она же не записывает, – ответила с улыбкой Смерть.

– Вот держи тоже на память, – протянула Ленивая Фея Смерти два ВеРиных клыка.

– Она их сбросила и ушла.

– Спасибо, моя хорошая, – поблагодарила Смерть Фею и спрятала клыки в карман мантии.

– Так что, Смертушка, отдохнула и хватит? – с сарказмом спросила Ленивая Фея.

– Да, ЛиФе, возьмусь я за ВеРу! – ответила Смерть.

Кратосквинта 10 муза дочь Терпсихоры

Каждый раз, в каждый час и в каждый сезон проходили мимо и приходили Шоуриус и Концертмис.

Они всегда приносили с собой приглашение для незабываемого События.

И как только Событие соглашалось – Слухи, четыре сестры, облетали всё живое и даже необъяснимо живое. Они разносили Весть.

А Весть разносилась так широко, что доходила до каждого сердца, до каждого уголка Твердыни.

И вот однажды Весть донесла:

Шоуриус и Концертмис пригласили Событие, и девять Муз выйдут представить свои новые вдохновения – в новых составах.

И все живое и необъяснимо живое начало стекаться к подножию горы Нойритмз.

Там должно было состояться Великое Представление.

А гвоздь программы... всегда был со своим гвоздём.

На этот раз им должна была стать дочь Терпсихоры, десятая Муза – Кратосквинта, с новой группой РудаСталиКорн в стиле гном-н-грок.

Когда подоспел час, и Событие заняло своё место, Про-

граммка раскрылась – огромным папирусом, закрывая часть неба и света.

И проявила чернила:

1. Каллиопа – ЭпиОрке

Состав: большой оркестр струнных, медные духовые, хор эпических певцов.

Вдохновение: героизм, эпические истории.

Эффект: звук оркестра словно переносит зрителей в мир великих событий.

2. Клио – ИстоХории

Состав: хор с барабанами и колоколами.

Вдохновение: хроники прошлого, великие герои.

Эффект: сцена оживает образами битв и легенд.

3. Эвтерпа – ЛириАнсаль

Состав: флейты, арфы, лёгкие струнные.

Вдохновение: радость и веселье.

Эффект: разноцветные световые волны и танцующие духи музыки.

4. Талия – КомиГруппаРи

Состав: актёры, клоуны, смешные инструменты.

Вдохновение: юмор, лёгкость.

Эффект: сцена превращается в театр радости.

5. Мельпомена – ТрагиАмбль

Состав: драматические голоса, орган, хор печали.

Вдохновение: трагедия и страдание.

Эффект: зрители плачут и восхищаются одновременно.

6. Терпсихора – ТанцДвиХур

Состав: танцоры, кифары, барабаны.

Вдохновение: движение и ритм.

Эффект: сцена превращается в спираль света, публика танцует вместе.

7. Эрато – СереЛюбвиАда

Состав: вокальный дуэт, арфы и скрипки.

Вдохновение: любовь и страсть.

Эффект: над сценой парят сердца и светящиеся цветы.

8. Полигимния – МедиРити

Состав: хор, литавры, медитативные арфы.

Вдохновение: священные гимны.

Эффект: всё окутано золотым светом.

9. Урания – КосСимОрк

Состав: оркестр с космическими инструментами.

Вдохновение: тайны вселенной.

Эффект: над сценой рождается вращающаяся галактика.

Ужасно дорогие гости и Смерть

И кого только не было на Великом Представлении!

Слева расселись гномы, справа тяжело дышали орки.

Феи устроились на листве деревьев, а альвы – прямо на траве, где искрились сны.

Вампиры ютились в тени, Лилит с демонами завладела танцковром.

Гаргона, скрыв лицо безликой маской, заплела в тугие косы собственных змей.

Четыре сестры-Слухи смотрели во все четыре стороны сразу, чтобы ничего не пропустить.

Совесь и Удача бесились, как маленькие дети, катаясь по склону.

А Судьба и Любовь выбрали место чуть повыше, на горе, и наблюдали сверху.

Чёрт Хитер и Лис притащили дубовые бочки и стол, – и уже раскинули карты заманивая игрой зрителей .

СияМи кружилась в танце вместе со своей тенью (про тень мы узнаем немного позже).

Радость и Печаль неожиданно обнялись и пускали одну общую слезу – печально солёную и радостную одновременно.

Ленивая Фея устроилась в гамаке из паутины, растянутом на старом великом дубе Ворчуне. Она закинула ногу на но-

гу и зевала, как будто всё это было слишком шумно для её тихого мира.

Портной Vellurion, совсем уставший после бесконечной работы (ведь наряды для всех участников шоу были сшиты именно им!), укрылся в своём костюме-невидимке. Он бродил среди гостей, изучая чужие крои и ткани, украдкой примеряя их мысленно к новым эскизам.

У самого входа в пещеру горы Нойритмз в тени мягкого камня устроилась вампирка ВеРа. Она пила донорскую кровь из бокала хрустального черепа, наслаждаясь каждым глотком..

Но тут за её спиной появилась Смерть.

Как только мягкий камень заметил её – он моментально стал твёрдым, перестав быть гостеприимным.

– Я к тебе, – жутко произнесла Смерть.

Вампирка ВеРа, увидев её, не закричала и не испугалась.

Она мгновенно подлетела в воздух и крепко обняла Смерть.

Обняла так сильно, что у самой Смерти хрящи затрещали.

Кратосквинта: Гвоздь в программе

Как только девять Муз отмахались на сцене со своими составами, Ночь стала теснить День.

День грустно уходил, зная: Гвоздь Программы всегда приходит с сумерками.

Только четыре сестры-Слухи потом пересказывали ему, что было дальше – и, как всегда, у каждой была своя версия.

На сцене появился Гвоздь, и вместе с ним – сама Программа.

Над головами пролетела Люминелла: яркая, игривая, грациозная. Она рассыпала Люмены, и те медленно, как падающие звёзды, спускались вниз, оставляя световые хвосты.

– Встреееееечаем Кратосквинту и её группу РудаСтали-Корн!!! – заорали Программа и Гвоздь синхронно.

Программа начала представлять музыкантов:

Бараброс – ударные

Слоган: «Каждый удар – как взрыв вселенной!»

Роль: держит ритм, создаёт вихри и огненные эффекты.

Терраклавис – гитара и бас

Слоган: «Рифы, что строят миры!»

Роль: маг грок-гитары, формирует сталегруды и сцены.

Электрисфера – синтезатор и свет

Слоган: «Свет и звук в одном дыхании!»

Роль: превращает музыку в визуальные ощущения.

Кратосквинта – вокал

Слоган: «Голос, что оживляет даже не живое!»

Роль: превращает каждую песню в волшебное путешествие.

Ритмарис – танец и перкуссия

Слоган: «Движение, что делает магию видимой!»

Роль: оживляет сцену, создаёт вихри, ветер и динамику шоу.

Гриммстелл – готическая гитара и спецэффекты

Слоган: «Тьма и грох сливаются в одну силу!»

Роль: добавляет драму, иллюзии теней и мистических существ.

Люминелла – скрипка и струнные эффекты

Слоган: «Струны, что рисуют свет!»

Роль: создаёт световые мосты и мелодичные волны.

Аркандино – саксофон и соло

Слоган: «Импровизация – магия в чистом виде!»

Роль: добавляет загадочность и неожиданные повороты.

Флюктарис – хореограф и мастер времени

Слоган: «Время танцует под нашу музыку!»

Роль: управляет ритмом, ускоряет и замедляет магию сцены.

И тут сны засверкали от восторга.

У зрителей побежали мурашки – у кого по коже, а у кого и по костям.

Как только раздалась первые рифы и ритмы гном-н-грока,

все кинулись танцевать.

Это было ново, мощно и свежо, как сама десятая Муза.

Вампиры носились по сцене, словно смертные (ведь уже стемнело).

Демоны Лилит едва не разнесли танцковёр в клочья.

Сны искрились так ярко, что альвы вынуждены были танцевать с закрытыми глазами.

Логика логично отбивала ритм.

Чёрт, Хитёр и Лис запрыгнули на дубовые бочки и махали каждый своим – чёрт рогами, Хитёр серебряным языком, Лис – пушистым хвостом.

Даже сама Игра в карты пустилась в пляс, оставив свои колоды.

Радость и Печаль кружились вокруг одной-единственной слезы.

А Любовь, Судьба, Удача и Совесть просто сидели и слушали – с отвалившимися ртами.

Только Ленивая Фея осталась в своём гамаке – потому что лениво.

Но Такт, сидевший рядом, покачивал её закинутую ногу строго в ритм.

– Я уже обожаю эту группу, – призналась вампирка ВеРа Смерти.

– И я тоже, – сказала Смерть, схватила косу, как гитару, и принялась танцевать, громяхая костями.

Вампирка ВеРа засвистела в щели, где раньше были клы-

ки, и закружилась в танце рядом со Смертью.

Смерть, Муж и ВеРа

После Великого Представления.

– Как насчёт прогуляться? – спросила Смерть вампирку ВеРу с едва заметной улыбкой.

– Да я только ЗА! Душа мне в тело, я ждала новой встречи!
– воскликнула ВеРа.

И вот они перенеслись снова в лес. (Это был тот самый лес, где слухи никогда не расходятся, а лишь остаются под тенью ветвей. Всё, что услышит лес, навсегда остаётся в лесу.)

– Давай, давай, расскажи мне про мужа! – запрыгала вокруг Смерти ВеРа.

– Так... – протянула Смерть и повернулась к Тусклому, фонарю, что вечно летал за вампиркой. – Ты ничего не слышал. – Иди погуляй гденибудь.

Тусклый хотел что-то возразить, но тут же появился дуэт «Где» и «Нибудь» – и утащили фонарь глубже в лес.

– Успокой свои клыки, – усмехнулась Смерть. – Ладно, поведаю тебе чуть-чуть.

Она выпрямилась, её мантия дрогнула, будто сама тьма прислушалась:

– Я из мира, где есть горизонт событий. Там время и вечность проносятся моментально и стоят на месте одновременно. Мы зовём этот мир Абиссариум, и нас там много... очень

много.

– С мужем я познакомилась в Смертиллии, – продолжила она. – Там мы обучались искусству переходного исчезновения души. Преподавала нам сама Наука Трансформации.

Глаза вампирки загорелись в восторге новых познаний.

– У каждого из нас была своя Хронофея. Это особые феи, что следят, чтобы мы успели познать познаваемое в то время, что нам отделила вечность. Моя Хронофея начала спорить с другой – та слишком сильно махала секундными крыльями и сбивала отсчёт моей.

– Та хронофея принадлежала высокому и красивому мужчине, – произнесла Смерть.

– Мужчина? Высокий? Красивый? – изумилась ВеРа. – Вот это уши мне мозг почесали! Я-то думала, что Смерть одинока, и у неё нет... друга.

Смерть улыбнулась, лязгнув челюстями. И грозно произнесла:

– Слушай внимательно, дитя тьмы, – её голос стал глубже и громче. – В каждом вздохе мироздания скрыты два начала: одно зовёт действием, другое – принятием. Без их союза нет жизни, нет смерти, нет тебя. Только когда они встречаются, рождается истинная сила – и даже мрак становится светом.

ВеРа зависла в воздухе, поражённая словами.

– Было одно Писание, – продолжила Смерть, – которое вечно пишет таинственные Тексты в неожиданных местах. Так вот один из них рассказал мне об этом.

Она резко сменила тон:

– На сегодня всё, красотка. Нужно Сирену проводить, она ждёт.

– Ты и в океане? – удивлённо начала ВеРа.

Но Смерть её опередила:

– Я Везде и Всегда! – торжественно произнесла она, взмахнула мантией от этого взмаха в лоб ВеРы прилетела лейба портного Vellurion'a. Вампирка ойкнула, а Смерть уже исчезла.

В ту же минуту из чащи вернулись Где и Нибудь, таща за собой сонного Тусклого. Фонарь похрапывал и тускло мигал, будто всё ещё видел свои светлые сны после Великого Представления.

СияМи и вторая комната

Как только СияМи переступила порог между комнатой Эскизов и второй комнатой, её неожиданно подхватил вихрь. Ветер мягко, но властно усадил эльфийку на облако.

Но облако было странное:

оно одновременно сияло бело-пушистым, дышало дождевой серостью и искрило чёрной грозовой тяжестью.

Стены в комнате отсутствовали, а вокруг закружились время и стихии: ночь и день, утро и вечер, зима, лето, осень и весна. Космическая тьма обволакивала всё, и в ней светились звёзды, кометы, словно вся Вселенная играла внутри сжатого пространства.

– Привет, СияМи, и добро пожаловать! – раздался голос.
– Я комната Материалов.

– Просьба Ленивой феи уже добежала до Материи Материалов, – добавила она мягко.

В тот же миг перед СияМи возник Облик Тьмы. Он был словно тень, но такой густой и мрачный, что сияние самой СияМи не могло его осветить.

Облик протянул руку, раскрыл ладонь, и вдруг в его лице вспыхнули глаза: две сияющие воронки с вихрями внутри. Свет их был невероятно белым, но он не мог вырваться наружу, оставаясь заключённым внутри.

– Эээпиии... – протянул он так жутко, что эльфийка Си-

яМи поджала ноги и вжалась в облако.

– Тенебрия, невежливо так поступать с гостями! – строго произнесла комната Материалов.

(Тенебрия – мрачная, старшая дочь Тьмы. Она часто появлялась в мастерской Vellurion и любила придавать свои оттенки материалам.)

В этот момент над головой Тенебрии закружилось Вежливо и спросило:

– Разве Мать Тьма тебя так воспитывала?

Тут же выскочило Воспитание и звонко произнесло:

– Не было такого!

– А ну сгинули отсюда! – рывкнула Тенебрия, и Вежливо с Воспитанием исчезли.

Тенебрия сделала шаг вперёд, и голос её стал спокойным:

– Привет, СияМи. Дай мне Эскиз.

Эскиз сам, словно почувствовав приказ, порхнул прямо в руки Тенебрии.

– Я – старшая дочь Тьмы, Тенебрия. А ты – эльфийка СияМи, я знаю. Очень приятно, – сказала она и сама себе ответила.

– Материя Материалов шепнула мне, что ты хочешь свою тень, – продолжила Тенебрия.

Она сжала Эскиз в ладони. Когда вновь раскрыла руку – эскиза уже не было.

– Моя дочь, Тенэлия, уже занимается твоим желанием, – сказала Тенебрия и... улыбнулась.

Хотя её облик оставался непроглядно тёмным, а свет в воронках лишь сузился, ощущение улыбки было настолько явным, что СияМи почувствовала её внутри себя.

– Спасибо, – только и смогла вымолвить эльфийка.

И облако двинулось дальше – непонятно куда, будто без направления. Оно плыло и плыло, пока не упёрлось в дверь с надписью Vellurion.

Сирена

И вот, по дну океана, по зову Сирены, шагала Смерть.

Она отстукивала челюстью ритм – нижней по верхней, в такт одной из песен группы РудаСталиКорн в стиле гном-н-грок.

– Смерть, подожди, – раздалось за спиной.

Смерть обернулась и увидела Мельпомену, Музу трагедии, а рядом с ней – Печаль, тихую, задумчивую, словно потерявшуюся в морских глубинах.

– Привет, наша ты хорошая, – сказала Мельпомена и обняла Смерть, приложив лёгкий поцелуй к её скуловой кости.

– Привет, Муза, – ответила Смерть. – Иду на зов твоей дочери... Только пока не знаю – какой. И она зовёт, не торопясь, иду как видишь, не очень-то и спешу, – сказала Смерть и улыбнулась челюстью.

– Да, Смертушка, – кивнула Мельпомена, – старшая дочь Дева решила уйти из мира Сирен.

– А как так-то? – удивилась Смерть. – Бессмертных к краю отводить должен быть весомый повод, всю дорогу этот вопрос в черепе летает. И Печаль-то зачем? Она же всего лишь в переход собралась?

– Печаль, отойди пока, пожалуйста, – мягко сказала Мельпомена.

Печаль послушно отошла к кораллам и присела на камень,

покрытый ракушками.

– История, расскажи Смертушке, – велела Муза.

И тут перед ними появилась История, раздвинув толщу воды.

– Виной тому или судьбой тому, радостью или печалью...

У каждого будет по-своему, – сказала она.

Вода под ногами Смерти стала твердеть, превращаясь в кресло из соли и ракушек. Смерть опустилась на него, слушая.

– Корабль прибыл на стык, – продолжила История, – тот самый корабль, что привозит людей, которых отбирают Семь Матерей.

Мать Наука – разум, знание, порядок. Символ – книга из света.

Мать Чувства – сердце, любовь, сострадание. Символ – горящая роза.

Мать Память – корни, прошлое, традиции. Символ – дерево с тысячью листьев.

Мать Мечта – воображение, надежда, вдохновение. Символ – звезда в ладонях.

Мать Воля – внутренняя сила и выбор пути. Символ – пламя, не гаснущее на ветру.

Мать Созвучие – гармония с миром, умение слышать и понимать связи. Символ – струна, что звучит сама.

Мать Тьма – тайна, глубина, то, что за гранью. Она не зло, а испытание. Символ – холодное зеркало, в котором замер-

зает время.

– Так вот, – сказала История, – ступила нога мужчины на твердь океана. И услышал он песнь Девы.

На протяжении многих солнц и лун он возвращался к этому месту и слушал её. Сирена-Дева пела не для себя, не чтобы пленять, а так, что каждый, кто слышал её, начинал ещё сильнее любить того, кого уже любил. Но не саму Сирену.

И тогда Слухи – четыре сестры – донесли Деве: мужчина, статный и красивый, с горячим сердцем, всё время приходит к её песням.

Дева не выдержала и пересекла горизонт океана, чтобы взглянуть на него.

Они встретились лоб об лоб – и в тот миг их обоих обуяла сама Любовь.

И тут появилась Любовь.

– Те силы, что меня притягивают, зовутся искрой души. Я оберегаю её. Когда я принимаю искру, рождаются мои дети. Но не я выбираю – меня выбирают, – сказала Любовь. – А дети мои – ещё те озорники. Они могут переродиться в разных обличиях: то добрые, то злые, то печальные.

Искры полетели, но вместе с ними Сирена-Дева потеряла голос. Как ни старалась петь – ничего не выходило.

– Вот и пришёл выбор, – сказала История. – Либо остаться бессмертной и носить в себе Трагическую Любовь, либо отдаться судьбе и прожить её смертной.

Она посмотрела на Мельпомену, и в тот же миг исчезла.

За ней растворилась и Любовь.

Смерть сидела в соляном кресле с пустыми глазницами и попивала солёный коктейль океана.

– Так вот, Смертушка, – произнесла Мельпомена. – Нужно провести Деву через Забвение, чтобы она смогла прожить смертную историю. Мы с ней так решили.

– Но ведь после Забвения твоя Сирена забудет тебя на смертное время. Её истинное Я покинет её до переходной трансформации, и наложится Семья, – удивлённо сказала Смерть.

– Да, Смертушка, подруга, мы всё уже решили, – кивнула Муза и позвала Печаль.

А Печаль уже успела задремать и погоняться за снами.

Твердыня Элион

Из одного из папирусов Истории:

Корабль прибыл к Стыку, где начиналась Твердыня-долина Элион.

На её возвышенности стоял город – Умбралис, высеченный из глыб булыжников, суровый и величественный.

Вокруг Умбралиса раскинулся Ведами Лес. В нём деревья не знали покоя: каждое время от времени меняло своё место, подходило к соседу, и начинался разговор – дерево рассказывало свои веды, а новое слушало и отвечало своими. Так продолжалось бесконечно.

И ни один смертный путник, решивший войти в Лес, не проходил один и тот же путь дважды. Лес прокладывал каждому дорогу сам: иногда прямую и короткую, иногда длинную и мучительную, а иной раз и вовсе замыкал её в круг.

Только одна тропа оставалась неизменной. Широкая, не слишком длинная, охраняемая могучими Дубами, она всегда вела к Глыбе Познаваемости.

Внутри глыбы, в залах, высеченных из чёрного камня и украшенных светящимися корнями, Семь Матерей открывали тайные знания избранным, тем кто сумел пройти свой путь через стык и забвение.. Но являлись они не сразу – каждому Познавателю встречалась лишь та, чья суть совпадала с его внутренней Верой.

И только единицы удаивались увидеть всех Семерых сразу.

Но у самого края Леса, там, где даже в полдень не исчезала тень, стояла ещё одна глыба – маленькая, серая, словно забытая.

Там жила вампирка ВеРа.

Из всех вампиров только она обитала в городе – ведь ВеРа не пила кровь из плоти. Все остальные жили в пещерах горы Нойритмз.

И потому сама Тень Леса будто охраняла её: обвивала глыбу, пряча её от солнечных лучей.

А когда ВеРа хотела прогуляться днём, она звала в гости свою подругу – Тучку. Та нависала над ней и сопровождала, но вместе с Тучкой всегда приходил дождь.

И тогда ВеРа надевала особую мантию, которую сотворил портной Vellurion для неё и Тучки.

Мантия впитывала каждую каплю дождя и тут же возвращала её обратно в Тучку.

Так они и гуляли – ВеРа, Тучка и дождь.

Дева, Смерть, Любовь и песня

Смерть, Печаль и Мельпомена переместились к скалистому берегу Океана горы Нойритмз с неведомой стороны. Там, где обитали все Сирены.

Храм скал Сирен был древним, и войти туда могли лишь сами Сирены, их родители и Музы.

(Сирены знали тропы Смерти, но под водой, и, как и она, умели отводить души к краю всего).

– Привет, мама! – крикнула Дева, подплыла и обняла Мельпомену.

– Привет, Смертушка! – и обняла Смерть.

– Привет, Печаль! – и они тоже заключили друг друга в тихое объятие.

У самого дна, на солёных песках, уже собрались все десять Муз, включая Мельпомену.

– Привет, Смерть! – в один голос поздоровались они.

Так синхронно, что кубики по костям посыпались счётом.

– Привет всем, – ответила Смерть.

– Кратосквинта, твоё выступление... Я смертельно восхищена твоим талантом. Это что-то свежее и новое, – отвесила по воде Смерть комплимент.

– Очень польщена, тётя Смерть! – улыбнулась Кратосквинта. – Я видела, как вы с ВеРой пещеру разносили!

Смерть кивнула и обратилась к Деве:

– История поведала мне про твою любовную затею.

Тут же из ниоткуда выскочила Любовь:

– Я ничего не затевала! Нечего было лбами биться!

– Да ладно тебе, Любовь. Судьбу не обманешь, – сказала

Смерть.

И тут появилась Судьба.

– Как это – не обманешь? А как же там, за Говорливым лесом, где фея Судьбе подарок приготовила? А подарка-то и не было – потому что там была Ленивая Фея, – ехидно сказала Судьба.

– Ну так ты же припёрлась со Злодейкой, а Ленивая Фея утомила Злодейку своими вопросами и историями, – заметила Смерть.

– Тут не поспоришь, – согласилась Судьба.

И тут же выскочило Пospишь.

– А ну кыш отсюда! – прогнала его Смерть.

– Раз так, Дева, ты решила, и вы все оговорили – так тому и быть. Отведу я тебя через Забвение, – сказала Смерть.

– Прощайтесь, Музы и Сирены.

– Подожди, Смертушка! – сказала Дева. – Кратосквинта, спой мне свою новую песню!

– А вот это то, что надо! – сказала Смерть.

И тут же выскочило То Что Надо, раздвинуло часть воды и натянуло струны.

Струны завибрировали в стиле гном-н-грок.

Кратосквинта вдохнула и запела:

– За...кры...вай глаза,

Танцует Терпсихора,

Ты... по...це...луй меня,

Мы встретимся не скоро...

Океан забурлил в такт песни, да так что прилетели сестры

Слухи.

Эхо Свитка Сознания I

Пространство начинает дрожать.

Слово замирает, буквы становятся хрупкими, как кости, и вдруг слышится скрежет пера внутри черепа Смерти.

Это не звук – это трение мысли о пустоту, когда сама ткань повествования разрывается.

Тогда проступает Эхо Свитков Материи Сознания.

Он не написан рукой, он выцарапан отсутствием, оставлен в памяти того, кто осмелился слушать тишину между дыханиями.

Сама Смерть погружается в размышления от скрежета в черепе,

получая короткую истину, от которой нельзя уклониться, истину, не имеющую трактата.

«Смертные создают образы, наделяя их смыслом.

Бессмертные придают смыслу образ».

ВиPPER Лудус, Чёрт, Хитёр и Лис

Однажды – или, может, прямо сейчас – Чёрт, Хитёр и Лис словили понимание, что одних карт в Игральном доме мало.

И отправились они в город Умбралис, пройдя через Лес Ведов к Лудусу из рода ВиPPERов.

А ведь только Бессмертный мог проложить через Лес Ведов нужную тропу и провести с собой смертных.

Лудус жил в мастерской-глыбе недалеко от центра Умбралиса.

ВиPPERы – это само порождение смертных от союза бессмертных: Элемента и Случайности.

Дверь в мастерскую была открыта.

– Привет, Лудус! – крикнул Хитёр.

– Привет, – ответил Лудус из глубины мастерской, где он создавал игры.

Лудус вышел в прихожий зал, ведущий к мастерской.

ВиPPERы были красивыми существами: с большими глазами и длинными волосами, заплетёнными в тонкие косички, на маленьких ножках, но с естественным телом.

– А это вы... тройка бесноватых, – сказал Лудус и сел в кресло-трон из корней и камня. – Что вам надо?

– Слушай, Лудус, мы словили понимание, что одних карт нам мало, – сказал Лис.

– Так я вам сложил колод в несколько дюжин, а не одну

колоду карт, – ответил Лудус.

– Лудус, нам нужно что-то ещё. Твои карты хороши, но нужно новое, – добавил Чёрт.

Возле трона стоял каменный стол с множеством тяжёлых шуфляд, которые никто не мог открыть.

Но вдруг одна из них сама вылетела прямо к Лудусу.

– Выбор сделан, – сказал он и достал шесть костей из камня.

– Вот вам кости из камня: у каждой кости шесть граней, восемь вершин, двенадцать рёбер, двадцать одна точка и шесть цифр, – сказал Лудус и протянул кости Чёрту.

– А кодекс к ним? – спросил Чёрт.

– А кодекс сотворите сами, – ответил Лудус и ушёл в мастерскую, закрыв за собой занавес тьмы.

И вот, возвращаясь через Лес Ведов:

– Чёрт, почему кости каменные? Разве у камня есть кости? – спросил Хитёр.

– Мои рога такой истории не ведают, – ответил Чёрт.

И тут появилась История так стремительно, что сбила Лиса с лап:

– Долли... овечка Долли, любимый питомец Лудуса, – начала История.

Каждое утро Лудус и Долли ходили на луг к реке за Умбралисом, играли и наслаждались всем живым и осязаемым.

Но пришёл Недуг и овечка Долли покинула плоть вместе

с ним.

Лудус не придал её тело Твердыни, а положил на мягкую росистую траву, и Твердыня впитала плоть, оставив только кости.

Печаль долго ходила рядом с Лудусом, и он решил создать игру из костей спины Долли,

а череп повесил в прихожем зале – так, чтобы глазницы смотрели на посетителей.

Любой мог прийти в дом Лудуса, и сам Стол выбирал для него игру, вытаскивая нужную шуфляду,

чтобы Долли всегда могла видеть, как идут игры её хозяйина. Сказала История и исчезла.

– Рога мои в бараньи крутить! – Удивление выпрыгнула из Чёрта.

Смерть, Забвение и Сирена

Как только Кратосквинта допела и выслушала бурные водные овации,

Дева подошла к ней, обняла и сказала:

– Спасибо! Я отлучусь на смертное время и вернусь!

Печаль Кратосквинты пустила слезу, дополнив Океан ещё одной солёной капелькой.

Все Музы обнялись с Девой и пожелали ей полностью насладиться смертной жизнью.

– Мама... – подошла Дева к Мельпомене.

– Ничего не говори, – сказала Мельпомена. – Я всегда буду рядом, ведь смертный век недолог.

– Смерть, вот капелька чернила, – добавила она и посадила её на ключицу Смерти.

Капелька чернил всех цветов начала быстро перемещаться по костям Смерти,

вырисовывая то черепаху, то сердце, то надпись.

– Когда пройдёте Забвение, отдай часть от этой капельки Деве. Она зафиксирует созвездие на запястье, чтобы никогда не забыть своего Имени, – попросила Мельпомена.

– Всё будет как в лучших глыбах Умбралиса, – улыбнулась челюстью Смерть.

– Пошли, – сказала она Деве и взяла её за руку.

И как только ладонь Девы коснулась костяной пясти

Смерти, а её пальцы сомкнулись, – исчезло всё, даже сам Океан.

– Вот и край, – сказала Дева.

– Да, моя хорошая, – ответила Смерть.

С края Твердыни падали водопады.

Сбоку спокойно текла река Стикс.

– Привет, Харон! – крикнула Смерть и помахала рукой, которую держала другой рукой.

– Привет, Смерть, привет, Дева! – откликнулся Харон и скрылся в своей лодке в тумане Забвения над рекой Стикс.

Эта троица часто виделась:

Смерть, Сирены и Упчики были проводниками душ до края Твердыни,

но через Забвение проводили только Смерть, Харон и сами Упчики -

успокоительные песочные часы, которые сейчас носились туда-сюда,

будто ужаленные, отводя души.

У Края не было ни ветра, ни ощущений – только успокаивающий шум водопадов.

Тишина гремела, спокойствие бушевало.

– Садись, – сказала Смерть и опустилась на край Твердыни, свесив костяшки ног.

Дева присела рядом, спустив свой рыбий хвост.

– Смотри, Дева, – сказала Смерть, указывая в бездну. – Там туман Забвения.

Над обрывом – туман. Над рекой Стикс – туман. Везде – туман Забвения.

Как думаешь, куда я тебя поведу? – ехидно улыбнулась Смерть челюстью.

– Я не знаю. Я часто наблюдала за туманами Забвения и задумывалась, что там – за туманом, – ответила Дева.

– Конь там за туманом ежа гоняет, – сказала Смерть и засмеялась, стуча нижней челюстью о верхнюю.

– Шутка. Хотела развеять тебя, – добавила она.

– Ни один из этих туманов ты пройти не сможешь. Для бессмертных должна быть веская причина отказаться от бессмертия. Твоя причина – здесь не подходит, – сказала Смерть.

Она поднялась, посмотрела вдаль и добавила:

– Пошли.

Смерть пошла по краю Твердыни в сторону, противоположную реке Стикс, уступая дорогу Упчикам.

Тень СияМи

Дверь с надписью Vellurion растворилась,
и СияМи перешла с облака на деревянный пол, из которого росла трава.

При каждом её шаге трава мягко раступалась и обвивала ноги нежностью.

С каждой травинкой уходили тревожность и неловкость момента.

Комната была необъятных размеров и при этом казалась совсем маленькой.

В конце стоял огромно-маленький стол,
а кресло, металось от края к краю, летало и ворчалю.

В воздухе парили эскизы и материалы – они громко спорили, перекрикивали друг друга, ругались.

– Привет, СияМи! – раздалось оттуда же,
и кресло повернулось к эльфийке, но в нём никого не было.

– Привет, кресло, – сказала СияМи.

Кресло улыбнулось натянутой тканью.

– Да ты сейчас мою спину и мой костюм на материю разберёшь! – крикнул кто-то,

и кресло пошатнулось, словно кто-то с него спрыгнул.

Трава на полу раступалась всё сильнее – кто-то очень быстро шёл к СияМи.

Воздух схватил её за руку, поднял ввысь и начал делать замеры -

от кончиков пальцев до головы и от головы до самых пяток.

– Vellurion? – спросила СияМи.

– А кто ж ещё, – раздалось у самого её уха.

– А почему ты невидимый?

– Много будешь знать – быстро расфиячишься, – ответил Vellurion.

Эльфийка звонко засмеялась.

– Твоё сияние прекрасно, радуется так, что хочется выгнать тебя в том, в чём мать, да в чём пришла, – сказал Vellurion.

Трава под ногами задрожала от радости, впитывая свет СияМи.

– Но я очень хочу свою тень, – сказала эльфийка.

И тут появилось Хочу и начало прыгать:

– Хочу! Хочу! Хочу!

– Своё дело сделало – а теперь катись по своим заботам! – рывкнул Vellurion.

И Хочу исчезло.

Vellurion смахнул эскизы и материалы со стола – они взмыли в воздух и громко возмутились.

Из-под стола он достал чистый папирус, что-то прошептал ему,

и папирус начал втягивать в себя эскизы и собирать материалы.

Через мгновение он превратился в новый эскиз, смешался с материалами -

и резко исчез.

Воцарилась Тишина на миг.

– Ээээпиинии, завораживающе... – раздалось сбоку.

СияМи заметила краем глаза Облик Тьмы.

– А-а! – с эльфийки выскочил Испуг, ударился о пол и шариком отскочил обратно.

Но его ловко поймала Тенебрия, закинула себе в рот и начала жевать (во мраки рта и жевать не видно СияМи это чувствовала).

– Ты что, сожрала мой Испуг? – спросила эльфийка.

– Да ты шо! Я его просто вернула обратно, как и запустила через тебя, – ответила Тенебрия.

Эскизы и материалы плавно вернулись на стол.

– Чувствую, что Vellurion куда-то исчез? – спросила СияМи.

– В мастерскую. Кроить материалы, – ответила Тенебрия.

– А почему он невидимый?

– Потому что он всегда в костюме пространства, который пропускает всё через себя.

– А кто-нибудь его видел?

Тут же выскочили Кто Нибудь:

– Мы не видели! – хором ответили они.

– Провались, туда, откуда взялись! – рявкнула Тенебрия.

И Кто Нибудь исчезли.

– Может, кто и видел... когда он моется. У Водопада спроси, – добавила Тенебрия.

– Так же не гоже! – удивилась СияМи.

– Какая интересная постановка букв, – ехидно усмехнулась Тенебрия.

И тут явился Миг:

– Всё, – произнёс он.

Комната растянулась в космос само пространство окутало и легла материя струнами чёрного света под ногами СияМи и Тенебрии.

– Интересная примерочная, – заметила Тенебрия.

– Примерочная?

– Да. Под каждый наряд она своя.

В пространстве появилось отражение СияМи. Оно поздоровалось с ней -

и у эльфийки пропали Дар и Речь.

На отражении возникла ампирная мантия-платье чёрного цвета с глубоким капюшоном.

Оно было стильным, обволакивающим, отражение грациозно плывло в пространстве,

словно не касаясь ногами опоры.

– Афиюнеть... – выдохнула СияМи.

И в тот же миг мантия оказалась на ней самой. Отражение исчезло, оставив эхо:

– Ещё увидимся...

СияМи не могла нарадоваться – мантия была мягкой, как

вторая кожа.

– Назовём твой образ Силуэт Белл Шейп Эль, – раздалось справа.

Там же раздались два хлопка, и появились два фонаря, семейство Тусклого.

– Я Инти, – сказал левый, мягко приглушая свет.

– А я Сумрик, – сказал правый.

– А я СияМи. Здравствуйте, – ответила эльфийка, разглядывая свой новый наряд.

Она закружилась, и от света фонарей у Тенебрии появилась тень.

А вот у самой СияМи – нет.

– Где же моя тень? – грустно спросила эльфийка.

– Тенелия! – позвала Тенебрия.

Возле СияМи появилась тень, пропуская сквозь себя свет звёзд.

Она закружила вокруг эльфийки и начала сшивать подол мантии кусочками тёмной материи.

Через пару мгновений тень хлопнула СияМи по лбу:

– Всё.

И исчезла.

– Не обижайся, Тенелия ещё юна и озорна, – улыбнулась Тенебрия.

Но СияМи уже прыгала от счастья, не сводя взгляда с новой тени.

– Тень! – закричала она.

– Да! – ответила радостно подпрыгивающая Тень.

– Тень! – СияМи.

– Да! – Тень.

– Тень! – СияМи.

– Да! – Тень.

– Хватит фиячить! – строго раздалось справа.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – визжала СияМи, пытаюсь обнять невидимого Velluriona.

– Ещё не всё, – прозвучало за её спиной.

В воздухе появился дымчатый ромб, упал с грациозным криком:

– Эмбоссинг!

И на мантии СияМи появилось великолепное тиснение Vellurion.

Эхо Свитка Сознания II

Пространство начинает дрожать.

Слово замирает, буквы становятся хрупкими, как кости, и вдруг слышится скрежет пера внутри черепа Смерти.

Это не звук – это трение мысли о пустоту, когда сама ткань повествования разрывается.

Тогда проступает Эхо Свитков Материи Сознания.

Он не написан рукой, он выцарапан отсутствием, оставлен в памяти того, кто осмелился слушать тишину между дыханиями.

Сама Смерть погружается в размышления от скрежета в черепе,

получая короткую истину, от которой нельзя уклониться, истину, не имеющую трактата.

«Живой мир – это фантазия, в которую мы договорились верить.»

Что это было? Спросила Сирна Дева

Да так, череп что то скрежет. Ответила Смерть.

Кодекс костей Дьявол

– Надо к Дьяволу, – сказал Чёрт.

– А какого чёрта мы там забыли? – спросил Лис.

– Нам нужен Кодекс для костей, – ответил Хитёр.

И троица провалилась под Твердь посреди Леса Вед.

Очутились они у одного из множества входов в Пекло.

Коридор был узким, а дверь в конце – из самого огня.

Вся твердыня задрожала.

– Накиньте накидки и входите, – раздалось ужасным эхом повсюду.

На стене висела грустная Вешалка. Она протянула две накидки с лейбами Vellurion.

Накидки были сотканы из самого космического холода.

Чёрт схватил одну, Хитёр – вторую.

– А мне? – возмутился Лис.

Твердыня снова задрожала:

– Чёрту накидку не брать: ему что жар, что холод – рога не скрутит.

– На! – Чёрт кинул накидку в Лиса.

– Вы очень любезны, козлина, – проворчал тот.

Хитёр и Лис накинули накидки – и тут же затряслись от холода.

– Труссы мне на колени, как же холодно... – пробормотал Лис.

– Давай иди! – сказал Хитёр.

– Сам иди в эту огненную дверь! – возразил Лис.

– Разойдись, черти, – сказал Чёрт и прошёл сквозь дверь.

Хитёр пнул Лиса и сам прыгнул следом.

Внутри всё было в жутком красном свете.

С потолка капали огненные капли, воздух плавился и двоился в глазах.

– Киплюки сидеть! – пронёсся крик.

Капли застыли, воздух остыл.

Возле лавовой лужи на корточках сидел Дьявол.

В луже плавала сковорода из неизвестного материала.

– Дьявол, что ты делаешь? – спросил Чёрт.

Хитёр и Лис то распахивали, то закрывали накидки: холод жёг, жара леденела.

Возле них стояло Мучение и громко смеялось.

– Глазунью, – спокойно сказал Дьявол, не отрывая взгляда от сковороды.

– Да где же мать моя... опять спалил! Лишь прах на сковородах! – взревел он, подпрыгнув.

Сковорода и Мучение унеслись неизвестно куда.

Дьявол достал из фартука огненный леденец (наверное, материнский),

начал сосать и спросил:

– Вопросы?

Чёрт, Хитёр и Лис стояли с отвисшими ртами и огромными глазами.

– Я спросил: ВОПРОСЫ, – повторил Дьявол и проглотил леденец.

– Да, нужен Кодекс, – сказал Чёрт.

Рядом появилась История, раздвинула жар и поведала Дьяволу про поход троицы к Виппер Лудусу.

Всё это время Хитёр и Лис прыгали с ноги на ногу, играя с накидками.

– Кости, – сказал Дьявол и протянул руку.

Чёрт с закрытыми глазами отдал кости.

Дьявол хмуро взглянул на Лиса и Хитера:

– Наоборот одели, дурни.

Он сделал шаг в лавовую лужу, словно в своё родное море.

Огненные волны облизнули его сапоги, не оставив на них ни следа.

Он не торопился – стоял, пока пламя не дошло до колен, а потом медленно опустился на одно колено, сжимая кости в кулаке.

От жара вокруг дрожала сама твердыня.

Лава поднялась до груди.

Дьявол, не сводя взгляда с троицы, протянул руку вверх, словно поднимал кости над миром в последней печати.

И только когда пламя сомкнулось у него над плечами, он медленно погрузил руку вслед за собой.

Последним, что видели Хитёр и Лис, был сжатый кулак с костями.

Он медленно исчезало в лаве,

словно уводя с собой и саму Истину игры.

Когда кулак скрылся под раскалённой поверхностью,

тишина повисла над всем Пеклом,

и даже огненные капли не решились упасть.

Когда его рука скрылась, Хитёр и Лис перевернули накид-

ки на правильную сторону,

и сразу стало тепло, как на Тверди.

– Чёрт, – обратился Хитёр.

– Что? – ответил тот с закрытыми глазами.

– Дьявол ушёл, ты чего глаза закрываешь?

– Я не хочу, чтоб он их поджарил. Как глазунью.

Сколько прошло времени, никто не знает.

Троица стояла и смотрела в лаву, ожидая возвращения.

– Что там? – раздалось сбоку.

Они обернулись – и увидели Дьявола в чёрном костюме.

Он тоже смотрел в лаву.

– Тебя ждём, – сказал Чёрт, не открывая глаз.

– Открой. Не будь козой, – произнёс Дьявол.

Чёрт послушался.

– Итак, – сказал Дьявол, и твердыня задрожала,

– есть шесть костей. По две на каждый стол.

Он раскрыл ладонь. Из неё вылетел маленький папирус.

Тот начал раскладываться, складываться и заговорил:

Кодекс игры – Духи Костей

Кубики – это не просто кости, а два древних духа-близне-

ца:

Светлый и Тёмный. Каждый бросок – спор между ними.

1. Первая Клятва

Первый бросок всегда зовётся Клятвой.

Если выпадает 7 или 11 – удача признаётся, ставка сияет победой.

Если выпадает 2, 3 или 12 – это знак Тени, ставка уходит в Бездну.

Всё остальное становится Числом Судьбы.

2. Число Судьбы

Если выпало Число Судьбы – оно вплетается в узор стола.

Игрок должен вызвать его вновь раньше, чем явится Семёрка Судьи.

– Успеешь – получишь награду.

– Семёрка придёт раньше – удача обернётся прахом.

3. Заклятия на ставках

Игроки могут плести заклиния:

Заклятие Удачи – игрок победит.

Заклятие Тени – выиграет Дом.

Заклятия Шепотов – мелкие предсказания на конкретные числа.

4. Семёрка Судьи

Число 7 – перст Судьбы.

Сначала оно благословляет, но потом возвращается Судьёй, чтобы забрать лишнее.

5. Закон Тишины

Во время броска нельзя смеяться и звать по имени. Духи костей обидятся – и принесут неудачу.

6. Последний Бросок

Когда ночь близка к концу, даётся Последний Бросок. Он способен изменить судьбу всех ставок сразу – даже тех, что уже считались проигранными или выигранными.

Папирус свернулся и упорхнул прямо в руку Чёрта.

И тут же троица будто свалилась с неба – на Твердь посреди Леса Вед.

Ударились так, что позвонки пощекотали мозг.

Очухавшись, Лис спросил:

– А в какую сторону мы шли?

– Чёрт его знает, – сказал Чёрт.

Семь Я

Долго ли, коротко ли – Смерть шла по краю, насвистывая песню, что недавно пела Кратосквинта.

– Смертушка, а куда мы идём? – спросила Дева.

– Видишь стену тумана? – указала Смерть.

– Да, – ответила Дева.

– Нам туда. Это одна из многих Граней. Пройти её может лишь бессмертный, – сказала Смерть.

У самой стены тумана Смерть наклонилась:

– Подожди. – Она сунула свой череп в капюшоне внутрь и, вытащив обратно, произнесла: – Нет края тумана... Это странно. Попробуй ты.

Дева протянула руку, коснулась тумана, и её ладонь скользнула вглубь. Но внезапно чья-то холодная властная хватка ухватила её за запястье и резко втянула внутрь.

По ту сторону густой туман рассеялся. Дева с испугом оглянулась: рядом стояла Смерть – спокойная, будто ничего и не произошло. А напротив, держа её за руку, возвышалась женщина дивной красоты. Её волосы напоминали тёмное золото, глаза сверкали молниями, а в осанке чувствовалась непоколебимость.

– Я – Гера, – величественно произнесла она.

– Дева, – ответила Дева.

За Герой поднималась невероятно высокая гора, оплетён-

ная ручьями и водопадами, у подножия её плескался океан.

– Олимп, – сказала Смерть.

– Какой Олимп? – удивилась Дева.

– Здесь живут бессмертные, что выбрали покой на время, – пояснила Смерть и перечислила: Зевс, Посейдон, Афина, Аполлон, Артемида, Арес, Афродита, Гефест, Гестия, Гермес, Деметра, Дионис... и сама Гера – супруга Зевса, покровительница брака и семьи.

– А это Дева, дочь музы Мельпомены, – представила Смерть.

– Ах, вот кого она мне напоминает! – сказала Гера. – Приложи Мельпомене от меня пламенный привет.

– И что вас сюда привело? – спросила Гера.

Смерть позвала Историю, и та поведала о желании Девы прожить смертный век в любви.

– Это редкий опыт. Главное, чтобы не вышло, как у Афродиты с Адонисом, – сказала Гера и улыбнулась.

– А что было у Афродиты с Адонисом? – спросила Дева.

– Да ничего, – отмахнулась Гера и взяла Деву за руку. – Пойдём, дочь Мельпомены.

Они двинулись к горе.

– Тебе говорили, что после Забвения ты забудешь всех на смертное время и твоё истинное Я покинет тебя до трансформации и нолжится Семь Я? – спросила Гера.

– Да. Но что такое Семь Я? – спросила Дева.

– Семь Я – это семь противоположностей. Ты будешь но-

сидеть в себе и решать, какую возвращать. Но миг – и одно обращается в другое. Только вера в истину удержит на пути.

Семь Я:

Любовь – Ненависть

Добро – Зло

Стыд – Гордость

Страх – Бесстрашие

Свобода – Замкнутость

Смелость – Трусость

Мудрость – Глупость

– Ну, раз пошла к смертному, то глупость уже с Девойю, – хмыкнула Смерть.

– Не пугай её, – мягко сказала Гера.

– Мне дальше с вами делать нечего. Гера, в Умбралис её, – сказала Смерть.

– Давай, моя ты скользкая, – улыбнулась Смерть и обняла Деву. Часть чернила, что вечно рисовало на костях Смерти, переместилась к Деве и легла на запястье созвездием Девы.

– Встретимся скоро, – добавила Смерть.

– Передай маме, что я её очень люблю, – попросила Дева.

– И я, – сказала Гера и улыбнулась.

Слухи над долиной Эгоринт

Как только сёстры-Слухи услышали бурление Океана и каждая, разумеется, по-своему истолковав, понеслись над долину Эгоринт – туда, где гора Нойритмз, где Смерть и Ленивая Фея, гномы, Чёрт, Хитёр и Лис, и все прочие, что обитают за Лесами Вед.

Да как начали визжать и щебетать, что даже Ленивая Фея села на свою тонкую паутинку, чтоб посмотреть, что происходит.

– Смерть забрала Сирену! – кричит одна.

– Сирена сама захотела! – отвечает вторая.

– Да-да! – вторит третья.

– Это всё потому, что её никто не любил! – восклицает четвёртая.

– Да-да, – снова подхватывает третья.

В это время в самой сердцевине горы Нойритмз, в пещере у края, в глубокой тени, стояла вампирка ВеРа и, как всегда, неторопливо пила донорскую кровь из своего фирменного бокала.

– Слышу звон, да не знаю, где он... – раздалось за её спиной.

– Привет, моя дорогая Смертушка, – сказала ВеРа и обняла Смерть.

– Чего это слухи распищались на всю долину? – спросила

она.

Смерть позвала Историю, и та, тихим голосом, поведала всё как было.

– Как трогательно, – сказала вампирка ВеРа. – Я тоже хочу Любви!

И тут же рядом с ней возникло Хочу.

– Брысь! – отогнала его Смерть.

– С этой пещеры прекрасный вид на Эгоринт, – заметила Смерть.

– Да, – согласилась ВеРа.

– Спасибо, – вдруг сказала сама пещера.

– Ну давай, расскажи, что там дальше про красивого высокого парня в Смертилли? – оживилась вампирка.

– История длинная, про мужа и наших двух дочерей, – сказала Смерть.

И тут перед ними возникла История в цепях и на замке.

– Бесплезно, сгинь, – отрезала Смерть, и История исчезла.

– Офампириться... – удивлённо выдохнула ВеРа, взлетев чуть над твердыню и скорчившись так, будто свело живот.

– У тебя две дочки? Как их зовут? Где они?

А над долиной Эгоринт уже опустились сумерки, и луна вошла над горой Нойритмз.

– Пошли лучше туда, – сказала Смерть и взяла вампирку за руку. В одно мгновение они очутились на самой вершине горы.

– Привет, Луна, – сказала Смерть.

– Привет, Смерть и вампирка ВеРа, – ответила Луна, повернувшись другой стороной.

– Да мой дед вампиров хоронил... – ещё более изумлённо прошептала ВеРа. – Она разговаривает!

– Только с теми, кто говорит со мной, – спокойно отозвалась Луна.

– Я чувствую, ВеРа, что ты находишься в поиске себя, – сказала Смерть. – Чем ты хочешь заниматься больше всего?

– Я очень хочу научиться писать стихи и песни. Меня вдохновляет Кратосквинта, – ответила ВеРа.

– На то она и муза, – улыбнулась Смерть.

С этими словами у мантии Смерти открылся карман, и оттуда вылетело перо.

– Оно будет летать за тобой и записывать твои мысли на папирусах, как только проснётся вдохновение, – сказала Смерть.

– Я вообще-то и не спало, – обидчиво заметило Вдохновение, выскочив рядом.

– Пока оставь нас, – сказала Смерть, и Вдохновение растворилось.

– Но я не знаю, с чего, и как, и где – сказала ВеРа.

– Вот тут мы как раз и за этим! – сказала Смерть.

Я вас оставлю, скоро увидимся. – добавила она и обратно взмахнув мантией задев лейбой Vellurion лоб вампирки и исчезла.

– Вот мы и наедине... Узри солнце вампиров, – грациозно произнесла Луна и засмеялась.

Гера. Пещера. Дева

Гера и Дева подошли к подножию горы Олимп – туда, где живой Водопад медленно стекал водой о край Океана. Его исток начинался на самой вершине горы, и потому все вести, что рождались на Олимпе, проходили мимо него.

– Привет, – сказала Гера.

– И вам привет, – ответил Водопад низким гулом. – Что вам нужно?

Гера позвала Историю, и та рассказала Водопаду о Деве.

– История, в тебя вписали жизнь Девы? – спросил Водопад.

– От и до, – ответила История.

– Кто вписал и что вписал? – удивилась Дева.

– Твоя Мама, – сказала Гера. – Всё узнаешь по пути.

И часть водной стены вдруг расступилась, открыв вход в пещеру.

– Дева, подойди к входу, но не касайся воды. А ты, Гера, помнишь: только окутайся водой, чтобы Забвение тебя не тронуло. Любовь ты пройдёшь в Деве, – сказал Водопад.

В этот миг из Девы выскочила Любовь.

– Я тут! – воскликнула она и снова прыгнула обратно в Деву.

И вот у входа стояли: Гера, окутанная водой, Дева с Любовью внутри неё и История – на уровне её глаз.

– Гера, назад вернёшься через Умбралис, через Лес Вед, через долину Эгоринт. По краю Тверди поведёт тебя Смерть, ибо вода больше не сможет тебя укрыть на обратный путь, – сказал Водопад.

Он обратился к Деве:

– В смертной жизни ты сможешь родить только смертных детей. Ты точно решила?

– Да, Водопад, я решила, – ответила Дева.

– Тогда твоё Истинное Я останется в Забвении до тех пор, пока ты не вернёшься за ним. Оно будет направлять тебя и указывать дорогу лишь через сон, – произнёс Водопад.

– Сон? Но я ведь никогда не сплю, – удивилась Дева.

– Созерцать всё и всегда без сна могут только бессмертные, – гулко сказал Водопад.

Вода сомкнулась за их спинами, и пещеру наполнил густой туман.

– Гера, смотри в оба глаза: чтобы История и Дева не разошлись, чтобы Материя не разорвала их, – добавил Водопад.

Созерцание ВеРы

– Куда исчезло перо, что оставила мне Смерть? – спросила вампирка ВеРа.

– Им пишет Вдохновение, – ответила Луна.

Тут выскочило само Вдохновение:

– Ничем я не пишу! – обидчиво возразило оно.

– Вот когда эхо музыки будоражит вдохновение, когда логика покидает мысли, просыпается искра воображения – та, что спит в глубине души, и вместе с ней приходит шёпот образов, красок и звуков... Тогда-то вдохновение в состоянии эйфории скребёт пером, размазывая чернило по папирусу, – сказала Луна, начав грозно, а закончив жутким смехом.

– Ничего я и не размазываю, – ещё сильнее обиделось Вдохновение.

– Что такое эхо музыки и как его услышать? – спросила ВеРа.

– Учись созерцать всё, что вокруг и внутри тебя, – ответила Луна.

– И ещё... искра воображения, что спит в глубине души.

У меня же нет души, – тихо произнесла вампирка.

– Метеором мне по лбу! – всплеснула сарказмом Луна.

– Там, где есть Истинное Я, там и душа.

Ибо они нераздельны и неразны.

И хотя могут быть они в разных местах,
но едины в сущности своей.

Истинное Я ведёт себя, душу, в путь учения,
дабы познала истину свою.

И плоть твоя жива от Я твоего,
и есть она орудие в учении души.

Луна произнесла это и сама задумалась.

– Чего? – с огромными глазами, с отвисшей челюстью и свистом сквозь клыки спросила ВеРа.

– Да так... Смерть мне поведала про Эхо свитков, – ответила Луна. – Сегодня я помогу тебе, а дальше сама.

– Слушай глазами, – сказала Луна.

И стало так тихо, что можно было услышать, как песчинки падают с горы вниз.

– Слушай глазами, – повторила она.

ВеРа провела взглядом над долиной Эгоринт, над городом Умбралис, скользнула по Лесу Вед и зацепила пару деревушек.

– Что слышишь? – спросила Луна.

– Как матери укладывают детей спать и поют колыбельные, – ответила ВеРа.

– Очень хорошо. Теперь закрой глаза и рисуй образы, рисуй музыку.

– Но я не знаю, что такое спать, – сказала ВеРа.

– Не важно. Рисуй и не отвлекайся.

В полной тишине ВеРа ухватила несколько нот. Они сло-

жились в гармонию, словно струны вибрировали в её голове. Внутри проснулось чувство которое рвалось наружу, и оно вырвалось: ВеРа запела с закрытым ртом, а образы потекли в темноте её глаз.

Перо взмыло над ней, и Вдохновение быстро начало писать, рассекая воздух. Рядом сидела Логика и умилялась происходящему.

Ветер понебу гуляет
Колыбель миров качает
Крылья ночь распустит – и подарит звёзды
Звезды нам споют что поздно

Лягу тихо возле края
В бездну мыслями свисая
Оборвался ясный день Забрало тело колыбель
Спит спокойно чья-то тень

.....

Я колыбель свою качаю и пою
Что зеркало Луна Все души забрала
Но подарила ночь И подарила сны
Что были вместе мы Объяты тишиной

.....

Спи, спокойной ночи, захлопнешь свои очи

И завтра утро, не поймёшь
Спи спокойной ночи, захлопнешь свои очи
Ты сказки – Сновидений ждёшь

Спи, забытых солнцем, с тобой уже не будет
Они под звездами Живут
Спи, спокойной ночи, захлопнешь свои очи
Я лунный свет в твоё окно
И мне так всё равно.

.....

Кровь в бокале разум плавит
Ночь с душой моей играет
Тело мнёт ночнушку, руки под подушку
У виска лежит игрушка

Тюль у потолка летает
Ветер нежно обнимает
Тень лежит у края, спит спокойно зная
Ночь с душой твоей играет.

.....

Когда песня стихла, Перо исчезло, появился Папирус.
Чернила легли на него, и он плавно опустился в ладонь ВеРы.
Вампирка открыла глаза – её охватил величайший восторг.
Вдохновение шмыгнуло в неё обратно, делая вид, будто ни при чём.

– Мне бы ветер пыль поднять! – восторженно сказала Луна. – Это великолепно!

– Я сама развампирилась, – ответила ВеРа. – Спасибо, Луна. Это самый счастливый момент.

И тут появился Момент.

– Спасибо! – сказал он и растворился.

Смерть в это время сидела в кресле из корней в Лесу Вед, в роще Шопота, попивая лесной коктейль.

– Колыбельная ВеРы для самой себя... необычно. Я в восторге, – сказала она вслух.

И тут же явился самовлюблённый Восторг.

– Кыш, – сказала Смерть. И Восторг исчез.

–Какая самовлюблённая – первая

–И эгоистичная – вторая

–Да, да – третья

–Всё только для себя – добавила четвертая.

Пронеслись сёстры Слухи.

Эхо Свитка Сознания III

Сама Смерть погружается в размышления от скрежета в черепе,

получая короткую истину, от которой нельзя уклониться, истину, не имеющую трактата.

....

«Там, где есть Истинное Я, там и душа.

Ибо они нераздельны и неразны.

И хотя могут быть они в разных местах, но едины в сущности своей.

Истинное Я ведёт себя, душу, в путь учения, дабы познала истину свою.

И плоть твоя жива от Я твоего, и есть она орудие в учении души».

Пещера Забвения бессмертных

– Пошли, дочь Мельпомены. Ты и История идёте рядом, я – слева от вас, шаг позади. История, что бы ни случилось – не отвлекаемся и читаем, – распорядилась Гера.

Дева, История и Гера шагнули прямо в густой туман пещеры. Через пять шагов под ногами Геры твердь испарилась: туман свернулся в воронку, стал полупрозрачным и бездонным. Гера будто парила в воздухе воронки вместе с Девой и Историей.

– История? – позвала Гера.

– Да, – отозвалась та.

– Закройся на миг цепями, пока я не коснусь тебя не сбрасывай оков.

– Хорошо, – согласилась История и накинула на себя цепи.

– А зачем заковать Историю? – спросила Дева.

– Исида! – глухо крикнула Гера.

И словно ответ – в воронке появилась высокая смуглая женщина неопишуемой красоты. – Гера, сотни солнц и лун тебя не видела. Привет моя хорошая, – произнесла она мягко. Это была Исида.

– Привет, красотка, – ответствовала Гера. – Затми сознание Девы на смертный удел до возврата.

Исида прошла сквозь воронку и поцеловала Деву в пере-

носицу – как будто вытянула что-то из неё. Глаза Девы наполнились туманом, бессознательное охватило её.

– Осирис! – заорала Исида так громко, что цепи на Истории задрезжали. Она обняла Геру, и растворилась в тумане.

Из глубины воронки проступили шаги – и перед ними возник высокий, накачанный мужчина в набедренной повязке.

– Здравствуйте, красавицы, – сказал он грозно.

– Привет, – отозвалась Гера.

– Мельпомена была у меня, так что без предварительных, – продолжил он. Осирис превратился в туман и прошёл сквозь Деву и вновь стал плотью.

Осирис заговорил так громко и строго, что звенели цепи Истории:

– Всё бессмертное будет ждать в Забвении. Истинное Я направит, смертное прочувствует. Семь Я проснётся и проявится во всех красках. Нет тут сознания бессмертия и дороги обратно до последней минуты исхода. – Гера, не отступись назад и не дай перелистнуть папирус Истории, пока она не дочитает. Не поддавайся соблазну Забвения – гордо и без сомнения проводи Деву в её новую историю.

– Какой красиво-грозный мужчина, – хихикнула Гера, и тут же появилась Исида:

– Ты со своим разберись, – улыбнулась она.

– В путь! – сказала Гера. И Исида с Осирисом исчезли; Гера прикоснулась к Истории – цепи растворились.

– Пора, – шепнула она. Воронка, убыстряясь, начала вытягивать их. История с трудом открывалась ветер вырывал папирус, – Гера крепко держала переплёт и папирус Истории пальцами, другой рукой – Деву.

В ту же минуту у Девы отпал хвост: чешуя распалась, и на её месте проступили ноги. История стала быстро читать написанное Мельпоменой прямо у носа у Девы. Ветер разнес слова так, что уже невозможно было разобрать ни одного – и вдруг толчок в спину – и Гера, История и Дева будто зависли в пустоте Забвения.

Там не было ни времени, ни места – было всё и ничего одновременно. Слышалось лишь дыхание внутри себя. Время пропало, и Гере стало так мягко и тепло, будто её сама нежность укутала постелью счастья – и остаться там казалось вечным искушением.

Она повернула голову к Истории, и мир словно подчинился её взгляду: пространство повернулось, показало, что оно подвластно ей. Гера шепнула себе: «Идём дальше», и воронка снова ураганом ввергла их в поток – раздался громкий рёв, от которого папирус на Истории надорвался: «Забвение забрало бессмертное...» – слова рвались и смыкались.

В следующую секунду – толчок назад, и Гера, История и Дева уже лежали в одной из глыб Умбралиса. Дева – в кровати, в глубоком сне; История всё ещё читала, и стены глыбы дрожали от её слов. Жители Умбралиса впитывали историю Девы как прописанную истину: она уже будто всегда жила

здесь, как смертная.

История закончила и захлопнулась.

– Ну так кто она? – спросила Гера.

– Дева – учитель пения для детей, и всё время она этим занималась, – ответила История.

– А про того смертного ты уже читала? – спросила Гера.

– Про него всё просто: по лбу ляпнула – и его история сам в него влезла. Он скоро вернётся с края Океана; он учит детей рыболовству и обучается у Семерых Матерей. Его история проста: Дева его навсегда определила, и он, как и она, останется здесь. – История смолкла и исчезла.

Гера погладила спящую Деву по голове, вышла из глыбы и закрыла дверь.

– Так где эта корова Ио? – проворчала она, – я ей сейчас устрою.

Тропа в Ведьмино кольцо

– Не веселит уже так вино гномов... тревожные они какие-то, – протянул Хитёр Черту.

– Надо срочно менять концепт, иначе Игральному дому пустовать, – буркнул Лис.

– К ведьмам идти надо, – сказал Чёрт уверенно.

Хитёр и Лис синхронно отодвинулись назад, сидя на бочках с вином.

– О нет, за пять холмов я не пойду! – взволнованно воскликнул Лис.

– Я тоже пас. От этих баб всего ожидать можно – ещё в оковы чарами посадят, пнут, и будем мыть посуду до конца солнечных дней да лунных ночей, – возмутился Хитёр.

И завязался спор – такой громкий, что слухи донеслись аж до самого Дьявола. Игральный дом задрожал, вспыхнул светом и пламенем, и вышел к троице сам Дьявол.

Чёрт, Хитёр и Лис зажмурились, боясь, что тот с их глаз глазунью сделает.

– Не спасёте дом – тебе Чёрт, рога обломаю, тебе, Хитёр, язык вырву, а тебе, Лис, хвост! – прогремел Дьявол так, что стены дома затряслись. И исчез, оставив в воздухе на миг пылающее огненное сердце.

– Кто тебя за язык тянул? – сердито бросил Хитёр Чёрту.

– Так твой же всё это и начал! – огрызнулся Чёрт.

Лис сидел, прижимая к груди свой хвост.

– А зачем Дьяволу мой хвост?

– Чтобы блох по пеклу гонять, – зловеще ответил Чёрт. –

Собирайтесь, идём к ведьмам.

– А что, перелететь никак? – осторожно спросил Хитёр.

– Небо закрыто над тропой и над Ведьминым кольцом.

Только копытами, ногами да лапами, – ехидно бросил Чёрт.

– А за дом кто смотреть будет? – заволновался Лис.

– Не отвертись, хитрый, – прорычал Чёрт. И, обернувшись к бочке, добавил: – Старая бочка, нальёшь вина без оплаты – выкачу тебя на солнце, рассохнешься!

– Без оплаты не налью, – вздохнула бочка.

– Кодекс Игрального дома, следи за игрой и прибыль в подвал сбрасывай, – приказал Чёрт.

– Ни одно мгновение игры не пройдёт мимо меня, – гулко отозвался Кодекс.

– Фонари! – позвал Чёрт. Подлетели два: Мрачный и Игривый.

– Ты, Игривый, азарт подкидывай, а ты, Мрачный, на кого удача сядет – повисай над ним и мешай следующий ход рассмотреть.

– Да, Чёрт, не волнуйся, – ответили они в унисон.

– Скрипка! – позвал Чёрт.

– Здесь, – отозвалась Страдивария. – Так заиграю, что у самого Стратокастера дух задора проснётся.

– Лис, бери кувшин вина, в дороге пригодится, – добавил

Чёрт.

Они вышли из дома. Вечерело, гномы уже подтягивались к Игральному дому после тяжёлого дня.

– Садись, – сказал Чёрт и указал на три камня. – Ночь будем ждать.

– А в доме подождать нельзя было? – буркнул Лис.

– Нет! – рявкнул Чёрт.

– Зачем ждать ночь? – спросил Хитёр.

– Нам нужен Лес Искушений. Только Луна способна через него провести, – объяснил Чёрт.

– А зачем? Я дорогу к пяти холмам и так знаю, – вставил Лис.

– Слушай, ты, лапой сделанный, – прорычал Чёрт. – Ты был на пяти холмах?

– Был... и больше не хочется, – признался Лис.

– Тропу видел?

– Нет...

– Ведьм ты только мельком в Умбралесе встречал. Так что лучше кувшин крепче держи.

Ночь опустилась плавно, окутала долину. Из-за горы Ной-ритмз выплыла Луна. Чёрт достал авоську, вынул оттуда обувь.

– Это что? – спросил Хитёр.

– Тапки, – спокойно ответил Чёрт. – Давно у Vellugiona попросил. Кто их оденет – войдёт одной дорогой и одной дорогой выйдет. В них не заблудишься. Обувайтесь.

– Слушай, подошва сама под лапы втянулась... удобно... Но почему они до косточки ногу обвивают? Тапки разве так выглядят? – удивился Лис.

– Не знаю. Vellurion сказал, что тапки. Смотри только лейбу не пошарпай, – сказал Чёрт.

– Луна! – громко позвал он.

Та повернулась к ним другой стороной.

– Привет, три гада, – поздоровалась Луна.

– И тебе не чихать пылью, – ответил Чёрт. – Освети нам путь через Лес Искушений и выведи к Ведьминому кольцу.

– А ты что, жену себе искать идёшь? – с широкой улыбкой спросила Луна.

– Ага! Лучше жить в углу на кровле, чем со сварливой женою в просторном доме! – возмутился Чёрт. – Дело у нас серьёзное, нужны их Веды.

– Ну, раз очень надо – идите. Только до рассвета выйти из леса должны, иначе целый день будете блуждать в поисках тропы. А если что – ищите ель высокую, через неё до меня докричитесь.

И пролился лунный свет густым молоком – узкой тропой сквозь Лес Искушений.

– Пошли, – сказал Чёрт.

Но на самом подходе к лесу за их спинами раздался громкий хлопок. Песок волной накрыл троицу. Они обернулись – стоял Дьявол. И снова они зажмурились.

– Раз уж собрались к ведьмам, передайте: приглашаю их

к себе. Давно мы не собирались вместе. Пусть только весть заранее пришлют – не гоже гостей в пекельном беспорядке принимать, – сказал он. И исчез.

Чёрт, Хитёр и Лис стряхнули песок с голов и пошли дальше, в ночь, к Лесу Искушений.

Смерть и Озеро Вечного Сна

Солнце озаряло долину, и игривые лучи проникали в Умбалис. Вампирка ВеРа носилась в восторге по своей глыбе от стены к стене:

– Нужно срочно всё рассказать Кратосквинте! Я думаю, ей понравится... – шептала она себе.

– Нервы совсем ни к чему стали, – сказал фонарь Тусклый, паривший у потолка.

– Да, потому что я не знаю, где живут Музы, – вспыхнула ВеРа. – Они приходят, когда им вздумается.

– Парнальд и Геликсиэль, – обронил Тусклый.

– Что Парнальд и Геликсиэль? – насторожилась вампирка.

– Геликсиэль – гора, где рождаются слова и стихи. А Парнальд – обитель музыки и пророчеств. Поющие склоны, Вершина вдохновения, Светлый хребет. Там обитают Музы, – сказал Тусклый.

– Где эти горы? – спросила ВеРа.

– Прости, ВеРа, это всё, что я знаю, – ответил фонарь.

Внезапно в глыбе стало темнее, чем было. Ветер закрутился, стены задрожали, а сквозняк чуть не задул Тусклого.

– Апчхи! – чихнул он.

– Будь здоров, – раздалось из глубины глыбы.

ВеРа обернулась и увидела Смерть. Та сидела в каменном кресле, держа в руках ВеРин бокал с донарской кровью. Она

чуть испила и поставила бокал на глыбенный стол, парящий в воздухе без опоры.

– Привет, Смерть, – удивлённо сказала ВеРа.

– Спасибо, – сказал Тусклый.

– Ты пьёшь кровь? – неуверенно спросила вампирка.

Грозно, так что вся глыба дрогнула, прозвучало:

– Я пью всё сущее!!! Сказала Смерть да так что глыба за-
тряслась.

А потом спокойно добавила:

– Привет.

– Смерть, когда ты ушла с вершины горы, там такое было, такое было... – восторженно начала ВеРа.

– Я знаю. Я всё слышала, видела и чувствовала, – перебила её Смерть. – Твоя колыбельная очень мне понравилась.

– Где находятся горы Парнальд и Геликсиэль? Я хочу всё рассказать Кратосквинте, – спросила ВеРа.

– Всё расскажешь, хорошая моя, всему свой миг. А вот горы так не найти, только Музы могут привести к ним, – ответила Смерть.

– Упырь с загаром... – печально обронила ВеРа.

Печаль обранилась фыркнула и исчезла.

– Смерть, а что такое сон? И как ночь может с душой играть? Моё вдохновение написало – и не объяснило, – спросила ВеРа.

Смерть подняла глаза, и её голос стал как шелест ветра и грохот скал одновременно:

– Сон – это мост между тем, кто ты есть, и тем, кем ты станешь завтра. Каждый раз, когда ты спишь, ты умираешь и рождаешься заново.

Когда закрываешь глаза, ты отпускаешь своё тело и уходишь в другой мир. Там ты растворяешься в темноте, но не исчезаешь.

Сны – озорники и хранители. Они играют с твоим истинным Я, подсовывают картины, шепчут тайны, смещают время и пространство.

Они не дают тебе утонуть в реке забвения, ведут сквозь тьму и показывают путь, где твоё Я встречается с собой.

И ещё... они становятся проводниками между спящими.

– Где взять сон? – широко раскрыв глаза, спросила ВеРа.

– Существует место, – сказала Смерть. – Его редко видят смертные. Оно зовётся Озеро Вечного Сна.

Там, когда спящий смертный приходит, его сны растворяются в тумане, оставляя тихую пустоту. Он не видит снов и сознание отдыхает и наполняется силой для нового начала.

А бессмертные – наоборот: их тела бодрствуют, но сознание усыплено, и они видят сны. Озеро переворачивает привычный порядок: спящие теряют сны, бодрствующие – обретают.

Оно хранит баланс между жизнью, смертью и пробуждением.

– Хочу-хочу-хочу! – запрыгало рядом с ВеРой её «Хочу». А сама вампирка стояла с открытым ртом, будто нижняя че-

люсть отпала.

– Встретимся с приходом сумерек. Я отведу тебя к Озеру Вечного Сна, – сказала Смерть и исчезла в вихре, как всегда лязгнув лейбой мантии вампирке в лоб.

– Тусклыйййййй! Где мои трусы невестыыыыы?! – в шоке выпалила ВеРа.

– Совсем чесночная что ли? – с недоумением отозвался Тусклый.

Лес Искушений

Как только Чёрт, Хитёр и Лис вошли в Лес Искушений, стало им так хорошо и легко, как никогда прежде.

– Что бы ни случилось, не поддавайтесь искушению, – предупредил Чёрт.

Не успел он договорить, как Лис уже стоял с оттопыренными глазами.

– Что? – спросил Чёрт.

– Курочка... куриные ножки... жареная, как у мамы... с соусом... – прошептал Лис.

И тут же перед ним возникла огромная тарелка с румяными ножками, парящая в воздухе.

– Всё твоё, лишь протяни лапу, – звала она.

Лис, весь в слюнях, скинул на пень кувшин с вином и рванул за тарелкой по тропе, освещённой луной.

Чёрт поднял кувшин.

– Слабое шерстяное недоразумение... Пошли, Хитёр, догоним. Думай о чём-нибудь плохом!

Они шли то ли долго, то ли коротко. Чёрт вдруг заметил, что рядом пусто.

– Хитёр? – позвал он.

Тишина.

Хитёр стоял среди тёмных елей. Перед ним – силуэт без глаз.

– Хочешь читать мысли? Быть всегда на шаг впереди? – прошептал силуэт.

– Да, очень хочу, – ответил Хитёр.

– Найди мои глаза. Тогда обретёшь силу, и никто не перехитрит тебя, – сказал силуэт и взмыл меж елей.

Хитёр рванул следом.

Чёрт вернулся и застал его в беге.

– Да как же вас вразумить?! – рявкнул он.

И с верхушек донёлся голос:

– Прикажи. Ты же главный. Ты есть власть.

– Хитёр! Лис! К копытам моим! – проревел Чёрт.

И оба, словно послушные псы, прибежали и упали на колени.

– Да, хозяин наш! – в унисон ответили они.

Чёрт возгордился. Позади появилось кресло, прям как у Дьявола.

– Оно твоё, владыка, – прошептал голос.

Чёрт сел, поставил кувшин рядом.

– Я есть Дьявол! – провозгласил он.

И пекло раскинулось по лесу. С ветвей капали Киплюки – огненные капли, жгущие землю.

– Давайте мне свои глаза. Глазунью буду готовить, – сказал Чёрт.

Хитёр и Лис достали глаза и отдали. Чёрт бросил их на сковороду, поставил её на лаву.

– Где мой фартук?! – рявкнул он.

И тут же фартук оказался на нём. Чёрт сосал огненный леденец и наблюдал, как на сковороде прыгали глаза.

– Теперь так будет с каждым за неповиновение, – сказал он. – А вы идите к ведьмам, расскажите им о проблеме Игрального дома!

– Но как мы без глаз дорогу найдём? – спросили Хитёр и Лис.

– И тоже верно... – буркнул Чёрт, достал глаза со сковороды и кинул им. – Разбирайтесь сами, где чьи!

Он снова уселся на трон.

– Киплюки, замрите! – приказал он, и огненные капли застыли в воздухе.

– Если к следующей луне не решите проблему, тебе, Хитёр, язык оторву, а тебе, Лис, хвост! Бегом к ведьмам! – проревел Чёрт.

А сам нырнул в лавовую лужу:

– Пойду Кодексы писать.

Но тут в Лес Искушений ворвались первые лучи солнца. Они добрались до Чёрта, и всё исчезло.

Чёрт очнулся сидящим на кусте, ветки впились в его пятую точку.

– Чёрт меня задери! – заорал он, вскочил, плеснул вино на раны и с облегчением зашипел.

Рядом в тени еле носился Хитёр, а слева на четвереньках полз Лис, весь в слюнях. Чёрт вытащил их тени – и они пришли в себя.

– Где мы? – спросил Хитёр.

– У ведьмы под подолом танцуем в кружевах, – спокойно сказал Чёрт и вдруг заорал: – В Лесу мы!!!

– Если бы не тапки Vellurion, вообще бы друг друга не нашли, – снова спокойно добавил он.

– Чёрт, что делать, куда идти то нужно? – спросил Лис.

– Туда! – сказал Чёрт и указал на небо.

– Я не хочу туда... – испугано сказал Лис.

– Ель до ночи нужно, самую высокую найти! – заорал Чёрт. – Лезь и смотри, где самая высокая!

– Я не могу, сил нет, всю ночь за тарелкой гонялся, – пожаловался Лис.

– И я ног не чувствую, – сказал Хитёр.

– И я не могу... – пробормотал Чёрт.

– Ладно, привал ищем. Только не в тени – там Искушения, – сказал он и пошёл, кульгая, пятой точкой страдая.

– Его что, в жопу ранили? – прошептал Лис Хитёру.

– Ага, походу Дьявол на вилы насадил, – ответил Хитёр.

– Я сейчас ваши глаза зажарю! – рявкнул Чёрт.

– Точно, дело рук Дьявола! – выпалил Хитёр.

И оба не смогли сдержать смех.

– Ты кожаный и ты шерстяной – скоро на ель полезете, если не успеете отдохнуть, ваши проблемы! – заорал Чёрт.

ВеРа спит

Как только начало вечереть.

– Пора, – сказал Тусклый.

– Куда пора? – спросила вампирка ВеРа.

– Смерть ждёт, – ответил фонарь Тусклый.

Он взял повязку крючком со спящей вешалки (а вешалки были нудные и почти всегда спали), подлетел к ВеРе.

– Завязывай глаза, – сказал он.

– Зачем? – удивилась вампирка ВеРа.

– Таков свод правил Озера Вечного Сна. Никто не должен знать тропу к озеру, – ответил Тусклый.

ВеРа завязала повязку. В тот же миг ужасный холод окутал её холодное тело.

– Это Смерть, – догадалась вампирка.

Смерть взяла её за руку, и чувство полёта и парения накрыло ВеРу. Долго ли, коротко ли – событие умалчивает. Но вскоре ВеРа ощутила под ногами твердь и мягкую траву. Здесь все ходили босиком, а даже каменные глыбы становились мягкими, когда их нечаянно задевали.

– Садись, – сказала Смерть.

ВеРа присела в кресло из мягкой травы.

– Дай руку, – продолжила Смерть.

В ладонь ВеРЫ легло что-то мягкое и нежное.

– Что это?

– Цветение бессмертного сна, БесСмертьСон. Жуй его, но не проглоти – нужен только сок.

ВеРа начала жевать бесклькастой челюстью цветов.

– Горький, – скривилась она.

– Выплюнь, сок уже в тебе, – сказала Смерть.

ВеРа выплюнула лепестки, и Смерть сняла с неё повязку. Перед ними лежал неглубокий кратер, окружённый плотным лесом, где деревья стояли так близко друг к другу, что образовали стену. Всё дно кратера устилала фиолетовая трава и бардовые цветы, тускло сиявшие.

– Где Озеро Вечного Сна? Я вижу только красивый овраг без воды, – удивилась ВеРа.

– Это и есть озеро, – ответила Смерть. – Озеро-кратер.

И тут появилась История.

– Давным-давно великаны жили в небесах. Они пришли за светом, что добывали гномы, и унесли столько, что небеса не выдержали и рухнули на твердь вместе с великанами. Один добрый спящий великан упал здесь и разбился на Сон-цветы, оставив после себя этот кратер.

История захлопнулась и исчезла.

– Какая завампирская мистика, – удивилась ВеРа.

Сумерки сгущались, цветы начинали проливать бардовый свет.

– Так это и есть БесСмертьСон, который я жевала?

– Нет, – засмеялась Смерть своей челюстью. – Ты жевала Мяркоцвет.

– Зачем?!

– Для загадочного ритуала, – ответила Смерть и опять засмеялась челюстью.

Тут выскочил Ритуал.

– Нет такого у меня! – Сгинь, – сказала Смерть, и Ритуал исчез.

– Так ты зачесночила меня! – возмутилась ВеРа.

– Пусть будет так. Смотри – восемнадцать под горизонт, – сказала Смерть.

Ночь окутала твердь. Кратер наполнился густым туманом, пропитанным бардовым светом от Сон-цветов.

– Красотище, – восхитилась ВеРа.

Из леса донеслось:

– Луна, ЛУНА, Лууунаааааа!

– Кто орёт? – насторожилась ВеРа.

– Чёрт, в жопу раненный, со своими дружками. Не до них сейчас, – спокойно ответила Смерть.

– Подойди к озеру и умойся.

ВеРа присела у края, набрала туман в ладони и умылась. Тело её стало тяжёлым, глаза закрывались, разум мутнел. Вампирка испугалась, вцепилась в траву.

– Не бойся, – сказала Смерть, взяла её за руку. – Пошли.

И они начали опускаться в туман. Смерть уложила ВеРу на туман как наочень мягкую кровать, и та уснула. Лёгкий свист слышался через промежности от её клыков.

– Тебе будет страшно от неизведанного, но я буду рядом,

– прошептала Смерть и легла рядом с ней.

13 чертей

– Луна, ЛУНА, Лунаааааааааа! – орали Хитёр и Лис с самой высокой ели, что нашли поблизости.

– Зачем так орать, вижу я вас, – сказала Луна. – А где Чёрт?

– Внизу стоит, его Дьявол на вилы жопой посадил, – сказал Лис, и они заржали на весь лес вместе с Хитёром.

– Да нет в лесу никакого Дьявола, – сказала Луна. – Ну да и ладно, у всех свои страсти. Что, тропу вам показать?

– Да, Луна миленькая, тропа, конечно, хорошо... но как искушения свои побороть? – спросил Хитёр.

И Луна сказала:

– Хитёр. Ты веришь, что обманешь всё, даже свои слабости. Но обман – это сеть: в ней первым застрянет тот, кто её сплёл. Чтобы пройти лес, тебе нужен не ум, а честность перед собой.

– Лис. Тебя гонит голод и блеск лёгкой добычи. Но знай: тот, кто всё время глотает, забывает вкус настоящего. Сыт не тот, кто наелся, а тот, кто знает меру.

А Чёрту передайте:

– Думает он, что власть – в том, чтобы держать всех на цепи страстей. Но истинная сила – в том, чтобы самому снять свои цепи. Как поведёшь других, если сам в узде?

Ну или заткните уши мхом, чтобы голос искушений не

ласкал разум, и не верьте своим глазам.

– И это всё? – удивлённо спросил Хитёр. – А ты нам это в прошлый раз не могла сказать?

– Так вы и не спрашивали, – улыбнулась Луна.

И её свет пролился тропой по лесу.

Хитёр и Лис спустились с ели, а внизу Чёрт рогами бился о соседнюю ель что бы заглушить искушения. Они зачихнули мох в уши и подошли к нему, стали Чёрту уши мхом затыкать.

– Что вы делаете? – спросил Чёрт, но они его не слышали.

Лис заорал:

– Луна сказала уши заткнуть, чтобы искушения не слышать!

Чёрт упал на колени и сам начал мох в уши заталкивать. А Лис ещё себе в нос напихал – чтоб запах курицы не чувствовал.

И двинулись они втроём по лунной тропе через лес.

Чёрт шёл через пекло. Вокруг падали Капелюки, земля тряслась от его шагов, словно признавая его покровителем. Но Чёрт то закрывал, то открывал глаза и пел:

Гномы варят позолоту,

Чтоб к вечеру у Чёрта

В дом игральный забрести,

Да удачу там найти.

А удача на цепи,

На моих рогах сидит,

Хочет прыгнуть, хочет встать -

Я не дам её отнять!

Карты пляшут, кости скачут,

Кто играет – тот не плачет,

Я ж смеюсь и верю в блеск,

Блеск азарта слепит всех.

А Хитёр видел, как в воздухе летают мысли. Он читал коды сундуков и угадывал ходы гномов, глядя в ночное небо, повторяя свой стих:

Собрались однажды тринадцать чертей.

Чёрт-Аферист, Чёрт-Алкоголик,

Чёрт-Сплетниплёт – лакали вино.

В карты играли Чёрт-Искуситель,

Чёрт-Суевёрник, Чёрт-Скупердяй.

Чёрт-Скандалист да Чёрт-Игойст,

Чёрт-Атеист – сигару курили.

Чёрт-ТропаБлуд, Чёрт-Проглодай,

Чёрт-Депреси́ст – кости всем мыли.

А рядом стоял безрогий чертила,

Хитрый как Лис, проворный Мерзило.

Вино подливал, сигары давал,

Карты мешал, кости кидал.

Двенадцать чертей он занос водил,

И планы свои их рогами мутил.

А Лис куда ни глянет – везде жареные куриные ножки.

Он закрыл глаза, схватил Чёрта и Хитёра за руки и начал

приговаривать:

Чёрт-Слабак, Хитёр-Простак,

На двоих – ума с пятак.

Я, коварный хитрый Лис,

Без меня вы просто... слизь!

Долго ли шли они, коротко ли – Чёрт с Хитёром увидели, что лунный свет рассеялся по всему лесу, и тропы не стало. Чёрт посмотрел на Хитёра, они достали мох из ушей, а Лис дальше шёл с закрытыми глазами, весело орал:

Чёрт-Слабак, Хитёр-Простак,

На двоих – ума с пятак.

Я, коварный хитрый Лис,

Без меня вы просто... слизь!

Чёрт что есть дури вдарил Лису под хвост копытом – тот подлетел выше самого Чёрта имох вылетел с ушей Лиса.

– Чёрт, ты озверел?! – возмутился Лис, почесывая под хвостом.

– Я сейчас твой хвост на воротник пущу! – прорычал Чёрт. – Где делась тропа?

– Она просто рассеялась, – ответил Хитёр.

– Смотрите, там просвет! – заорал Лис.

И они рванули туда. На поляне, окружённой лесом, сияла Луна.

– Луна, ЛУНА, Лунннаааа! – заорали они.

– Хватит орать, вижу. О, и Чёрт появился. А мне сказали, что тебя Дьявол жопой на вилы посадил, – улынулась Луна.

Чёрт грозно посмотрел на Лиса и Хитёра.

– Луна, где тропа? – быстро спросил Хитёр, пока Чёрт не наорал.

– А всё, вы пришли, – сказала Луна.

– Но вокруг лес! – воскликнул Лис.

– С первыми лучами солнца трава устелится тропой, и вы продолжите свой путь, – ответила Луна.

– А сейчас что делать? – нахмурился Чёрт.

– Можете соблазниться своими искушениями, всё равно с места не уйдёте... или мох вам в уши, – сказала Луна.

Чёрт огляделся по сторонам, проверяя, нет ли поблизости кустов.

Овраг ВеРы

Невидимые цепи Сонного мира медленно оплели ВеРу, уводя из царства плоти. Её мысли потекли, словно река без берегов. Они больше не принадлежали ей, а жили сами по себе, превращаясь в образы – лица из прошлого, звуки забытых голосов, картины, которых никогда не было.

В тот миг, когда граница сна приблизилась, ВеРа почувствовала падение. Сердце билось реже. Время растянулось, секунды превратились в века. Всё вокруг стало размытым, нечётким.

– Сны, оставьте нас! – раздался голос Смерти, будто ото всюду сразу.

И всё исчезло.

ВеРа стояла в бездне тьмы, на бескрайнем тумане, утопая в нём по щиколотку. Туман был одновременно холодным и приятно тёплым.

– Смерть? – испуганно спросила вампирка.

– Не бойся, ВеРа. Ты сейчас в Лиминальной Бездне, – голос Смерти окутал всё пространство.

– Где?.. – пробормотала ВеРа, выходя из себя и словно наблюдая собственный облик со стороны.

– В состоянии между контролем и созданием сна, – ответила Смерть.

– Я как воздух... О, и Тусклый здесь...

Над головой загорелся фонарь. Его слабый свет очертил пятно вокруг ВеРа.

– Это ты его образ оживила, – сказала Смерть.

– Смерть, где ты?

– Я везде и всегда! – её голос грянул, а потом раздался смех. – Но дальше идти тебе самой. Я лишь буду направлять.

Куда? – спросила ВеРа.

Рисуй мыслями представляй сценами то что ты желаешь – Сказала Смерть.

ВеРа вдохнула, закрыла глаза и представила... И вдруг – словно нырок в иную реальность.

Перед ней открылась сцена Великого Представления. ВеРа стояла у самого входа в пещеру горы Нойритмз в тени мягкого камня и нервно дёргала ногой.

Это мое первое выступление, главное не облажаться – шептала она себе. И где эту Смерть носит? Хоть бы добрым словом поддержала

Гвоздь Программы уже объявлял:

– Впервыеееееее на сцене! Встречайте – вампирка ВеРа и её колыбельная!

Над залом пролетела Люминелла, рассыпая светящиеся Люмены, похожие на падающие звёзды.

– Так собралась оторва, всё, будь что будет – сказала грозно себе ВеРа и шагом переместилась на сцену.

Она улыбнулась и сказала в голософон:

– Всем привет!

Толпа взорвалась аплодисментами. Смерть стояла у высокого дуба на котором на паутинке лежала Ленивая Фея, и смерть свистела громче всех

–ВеРа я в тебя верю – прокричала Смерть.

ВеРа повернулась и направилась к Клавишному Роялю Лирису. Роял Лирис открыл крышку обнажив клавиши и приподнял декку, а голософон смешно догонял вампирку ВеРу перебирая тремя лапками. ВеРа села на банкетку, пальцы коснулись клавиш и словно дыхание ветра полилась песня.

«Ветер по небу гуляет, колыбель миров качает...»

–запела вампирка ВеРа сдерживая свист в промежностях от клыков. Люмены сыпались над ВеРой и ужасно дорогие гости плавно качали руками в воздухе в ритм.

Как только прозвучала последняя нота колыбельной, Люмены погасли секундой оборвалась вечность и ВеРа снова стояла в Лиминальной Бездне.

– ЧТО, ЭТО, СЕЙЧАС, БЫЛО???? – спросила восторженно, испуганно и перевазбуждённо вампирка ВеРа.

– Твой первый сон, – ответила Смерть.

Ты испытала реальность сна – добавила Смерть.

И тут из тьмы в пятно света от Тусклого вошла Кратосквинта как буд-то из неоткуда.

– Привет, ВеРа. Ты только что покорила меня.

– Я сама оживила твой образ? – удивилась вампирка.

– Нет, Кратосквинта сейчас тоже спит, я ее позвала – от-

ветил голос Смерти.

– Буду кратка, всё обсудим на яву. Ты была великолепна – сказала Кратосквинта.

Они обнялись, и Кратосквинта исчезла.

Снова – туман. Снова – Тусклый фонарь.

– Как тебе сон? – спросила Смерть.

– Это новый мир. Я хочу узнать больше.

– Во сне ты можешь всё: гулять по прошлому, встречаться с другими спящими, создавать миры.

И вдруг пространство снова изменилось. ВеРа стала девочкой, что вприпрыжку бежала вдоль ручья и пела про семью.

– Вот мост, а за ним – дом... – радостно сказала она.

Но её остановила старшая сестра:

– Вера! Опять к оврагу ходила? Сколько раз тебе говорили – туда ни ногой!

– Но сестра, овраг такой умный он мне всё время что то новое и интересное рассказывает – сказала ВеРа.

– И что он тебе на этот раз рассказал? спросила старшая сестра.

– Ну что за им за оврагом есть целый мир и в этом мире очень красиво. – ответила ВеРа.

– Хватит слушать выдумки и тебе же говорили за овраг ни ногой – сказала старшая сестра.

– А я, за овраг и не ходила – ответила ВеРа.

Пока они спорили, дорога вывела их к одинокой глыбе у

леса к хмурой женщине на пороге.

– Ой, мама... – пробормотала ВеРа.

И в тот миг – толчок, падение, пробуждение.

Вампирка очнулась в Озере вечного сна, вся в холодном поту. Первые лучи солнца рассеивали туман. Смерть сидела рядом с ей и гладила по руке.

–Я, я видела Маму и старшую сестру – очень взволновано и быстро сказала вампирка ВеРа.

Я не помню их лиц, мне нужно обратно – сказала ВеРа.

–Я видела – сказала Смерть. Память играет с нами так-же как и сны в одной команде.

–Почему? – растроено спросили вампирка ВеРа.

– Так устроен твой разум – он берёт осколки памяти, узоры теней и лепит из них маски, что скользят по твоим сновидениям. Ни одно лицо не принадлежит самому себе, пока ты спишь. Только взгляд веры может сорвать с них вуаль, и тогда откроется истинный образ, спрятанный за пустыми чарами сна – ответила Смерть.

Долина холмов

Как только первые лучи солнца коснулись тверди, Чёрт, Хитёр и Лис очнулись от искушений. Трава улеглась ровной тропой, уводя их с поляны дальше в лес.

– Пошли, – сказал Чёрт.

Лес расступился, и взору открылась долина холмов – без конца и края.

– Чёрт, как мы пройдем? Ведь холмам нет числа? – спросил Лис.

– Пять, – ответил Чёрт.

– Что пять? – удивился Хитёр.

– Тропа к Ведьменому Кольцу лежит через пять холмов.

– Да ну, я как-то ходил сюда... там холмов, как моих лап, – пробормотал Лис.

Чёрт посмотрел вдаль и тихо прошептал:

– Зрячий не увидит, но сгорит в чувствах. Слепой не почувствует, но сгорит в видениях...

– Что? – переспросил Хитёр.

– Ничего. Пошли, – отрезал Чёрт.

Как только они ступили на подножья холма, трава исчезла. Подножие и вершина холма осыпались золотом, алмазами, свитками скрытых знаний. А посреди, на вершине, стояла разрушенная стена, из трещин которой стекала лава. На стене висел чёрный посох-трёхзубец. Над ним сияла надпись:

МорРаГрель.

Челюсть Чёрта отвисла:

– МорРаГрель...

Стена заговорила:

– Когда падший властитель был низвергнут в бездну, небеса хотели лишить его всякой силы. Но он вырвал три искры из самой Тьмы:

первую – из угасшего солнца,

вторую – из холодной тени луны,

третью – из огня подземных недр.

Он сковал их в чёрный посох и наделил три конца силой:

Левый зубец – Мор, насылающий болезни и смерть плоти.

Правый зубец – Ра, дарующий обманчивый свет иллюзий.

Средний зубец – Грель, пламя, что обжигает души.

Так посох был назван – МорРаГрель.

– МорРаГрель... – эхом повторил Чёрт.

Лис, забыв всё, носился по холму, сгребая золото и алмазы в мешок.

– Вот оно! Сейчас я к ведьмам пойду – под эти юбки слушать, мне этого с головой хватит и игральный дом мне больше не в хвост и гриву! Теперь я хозяин! – кричал он.

А Хитёр, увязнув в свитках, бормотал:

– Я должен найти! Я должен читать мысли! Я должен знать всё!

Вдруг Лис, гонясь за катящимся алмазом, сбил Чёрта с ног. Искры посыпались из глаз. И в эту больную вспышку

всё исчезло.

Чёрт увидел себя сидящим посреди холма. А Лис и Хитёр метались в безумии. Но стоило боли утихнуть – и видение рассеялось, возвращая прежнюю картину: стена, золото, посох.

– МорРаГрель... – вновь взывала стена.

Чёрт закрыл глаза и начал шептать:

– Я Чёрт. Я Чёрт. Я Чёрт...

Но тьма ожила. Посох сорвался со стены и сам влетел в его руку. В небо взвился смерч, втягивая золото, алмазы, свитки, стену и даже Лиса с Хитёром. Чёрт стоял в центре бури, держа МорРаГрель, и кричал:

– Ха-ха-ха! Всё пыль у моих ног!

Он распахнул глаза – и снова увидел лишь стену, а на ней – посох.

Мысль о боли подсказала выход. Чёрт что есть силы укусил себя за хвост – и видение рассыпалось.

Он схватил ошалевшего Лиса и вlepил ему такую оплеуху, что тот рухнул. Всё вокруг исчезло.

– Быстро, кусай лапу! – заорал Чёрт.

Лис и Чёрт набросились на Хитёра, тянув его с холма. Тот вырывался, но они били его тумаковыми ударами и тащили вниз, пока не спустились с холма.

– Черти! Больно же! – завыл Хитёр.

Чёрт дул на синий от укусов хвост, Лис зализывал лапу.

– Холм алчности... – произнёс Чёрт.

– А мы где? Леса нет, края не видно... – озирался Хитёр.

– Одни холмы, – подтвердил Чёрт.

Лис нахмурился:

– Я дальше не пойду. Сами идите!

– Иди назад по тропе, – сказал Чёрт мрачно. – Вот только сможешь ли выбраться из алчности один... или там и останешься шубой валяться?

Лис вздрогнул:

– Понял – понял... идём.

СтоЛун в Лесу Одиночества

Смерть решила пока что не оставлять вампирку ВеРу одну и проводить её этим прекрасным утром до её глыбы.

– ВеРа, прогуляемся до твоей глыбы вместе, развеем тебя, – сказала Смерть.

И тут появился Тусклый, державший на крючке мантию от Vellurion, которая впитывала капли с тучки.

И так они двинулись от Озера Вечного Сна: Смерть, вампирка ВеРа в мантии с тучкой над ней и Тусклый.

– Как мне увидеть маму? – спросила ВеРа.

– Я не знаю, – ответила Смерть и добавила: – Есть то, что тебя не пускает за определённую черту. Потому что, наверное, ты ещё не готова к встрече.

– Это как? – удивилась вампирка ВеРа.

– Есть одна моя история, – сказала Смерть.

И появилась История, шурша папирусами. Остановившись на одном, она начала рассказывать:

– Времена были не из лёгких, когда УПЧИКОВ (успокоительных песчаных часов) было мало, и все звали Смерть, не оставляя ей ни минуты покоя. Сама Материя увидела, как Смерть отводит всех к краю, не покладая косы. И оттолкнула Смерть от всяческих дел на время, а сама принялась создавать УПЧИКОВ в балансе.

Поняла Смерть, что есть время на себя, и решила прогу-

ляться по Лесу Одиночества. Попросила Смерть, чтобы Луна проложила путь своим светом в Лес, и Луна осветила тропу.

Но подойдя к Лесу, перед Смертью взмывала стена, и картины ползали по ней, шептали, показывали мысли и не давали пройти. И как ни пыталась Смертушка разгадать загадки стены – ничего не выходило.

На исходе ночи Смерть спросила:

– Луна, почему передо мной стена? Как пройти в Лес Одиночества?

– Я не вижу никакой стены, только тебя, кружащую на одном месте, – ответила Луна.

– Она меня не пускает, – сказала Смерть.

– Не знаю. Дьявольщина какая-то, – ответила Луна и скрылась за горой Нойритмз.

И отправилась Смерть к Дьяволу.

Спустилась она в дьявольские недры, ворота распахнулись, и капелюки указали путь к Дьяволу. Он сидел в ледяной комнате.

– Привет, Дья, – сказала Смерть.

– Привет, костлявая, – ответил Дьявол.

– А ты чего из пекла в лёд забрался? – спросила Смерть.

– Да вот, проект один надо закончить. А нужен холодный разум, а меня эмоции кипятят. Вот я и морожу разум, – ответил Дьявол.

– Дья, слушай, хочу я в Лес Одиночества попасть, но пе-

редо мной появляется стена с живыми картинами и мыслями и не пускает. У Луны спросила – она сказала, дьявольщина какая-то. Может, это твоих рук дело?

– Не, костлявая, это не я. Слышал я про стену СтЛиЗа (Стена Личных Запретов). Она не пускает того, кто лезет не в своё дело. А про Лес Одиночества у гнома разузнай. Если память не сквазанула, звать его СтоЛун. Всё, костлявая, не мешай, а то я так разум не заморожу, – сказал Дьявол.

– Спасибо, Дья. Бывай – сказала Смерть и нырнула через недра на твердь.

Отправилась она к горе Нойритмз, к гномьей стороне, и отыскала гнома СтоЛуна.

– Что, всё? – спросил гном СтоЛун, увидев Смерть.

– Да нет, ты мне ещё живым нужен, – улыбнулась Смерть челюстью.

– Хочу я в Лес Одиночества, но стена СтЛиЗа не пускает. Дьявол сказал, что ты там был и знаешь, как пройти.

– Всё так, – ответил СтоЛун. – Только вот в Лес я вошёл, а стена меня не выпускала.

– Как не выпускала? – глазницы Смерти стали шире.

– Вот так. Захотел я в одиночестве побыть от работы и семьи. Желание моё в два моих роста рядом со мной выросло. И пошёл я по лунной тропе в Лес. Стало так хорошо и спокойно, никто над душой не стоит. Я насытился этим одиночеством и направился назад к дому. Но куда бы я ни шёл, стена взмывалась картинами прошлого и будущего, сплетая

их мыслями и не пуская меня.

Я просидел в этом Лесу больше ста лун и понял главное: Лес Одиночества не выпускает тех, чья душа и разум идут врозь. Здесь время кружит, как в круговороте, и пока ты не научишься слышать прошлое и будущее вместе – будешь возвращаться к началу, к каждой картине прошлого и проживая её пытаешься исправить все свои ошибки. Как только картина прожита Лес снова наполнял спокойствием одиночества до заката, а там опять стена и опять картины и если ты сделал всё не правильно проживаешь историю заново.

И только когда я увидел, что смотря на будущее можно увидеть подсказку как его исправить через прошлое, новое спокойствие пришло и исправил я все картины и стена рухнула и вернулся я домой.

И добавил тихо, будто это был секрет:

– В этом Лесу каждый живёт не одну жизнь, а сотню раз одну и ту же.

Смерть почесала череп:

– Так вот почему тебя зовут СтоЛун.

– Да, влетело мне тогда от жены. Бороду несколько солнц распутывал, – с улыбкой ответил гном СтоЛун.

История захлопнулась и исчезла.

– Моя омрачнела, какая удивительная история, – восхищённо сказала вампирка ВеРа.

– Да, моя безклыкатая. Есть истории, в которые лучше не вписываться, – ответила Смерть.

Они уже подходили к глыбе ВеРы.

– Смерть, а как гном мог исправлять будущее, как он его видел в этих картинах? Он, не рассказывал? – спросила Ве-Ра.

– Нет, – ответила Смерть.

Эхо Свитка Сознания IV

Пространство начинает дрожать.

Слово замирает, буквы становятся хрупкими, как кости, и вдруг слышится скрежет пера внутри черепа Смерти.

Это не звук – это трение мысли о пустоту, когда сама ткань повествования разрывается.

«Всё, что должно случиться, – уже случилось.

Всё, что должно быть сделано, – уже сделано.»

Что это за скрежет? Спросила вампирка ВеРа.

Это я череп мыслями почесала – ответила Смерть с улыбочевой челюстью.

Холм Гордыни

– Двигаемся-двигаемся, – подталкивал Чёрт Хитёра и Лиса к следующему холму.

– Подожди, – сказал Хитёр. – Может, надо придумать, как заходить будем, чтобы холм нас не постиг?

– Не фиксируй явь и не буди сознание, – задумчиво бросил Чёрт.

– Что это значит? – удивился Хитёр.

– Я откуда знаю? Само в голову лезет, – раздражённо ответил Чёрт.

– Похоже на подсказку, – хмыкнул Лис.

– Всё равно пока не зайдём на холм, не узнаем, – сказал Чёрт, и тройка шагнула на подножье второго холма.

И тут перед ними возникли отражения. Не просто отражения – а целые версии самих себя, такие, что волосы вставали дыбом, а хвосты сами закручивались в знак тревоги.

К Чёрту подошло отражение Чёрта: высокий, мускулистый, с чарующим взглядом. Рога отполированы до блеска, тело сияет как отлитое из чёрного мрамора. Всемогущий и непобедимый.

Чёрт застыл, зачарованно кружась вокруг своего двойника.

– Мы и есть та сила, что губит плоть сквозь души, – произнесло отражение.

– Мы? – неуверенно переспросил Чёрт.

– Да, мы. Я – это ты, а ты – это я, – ответило отражение.

– Весь мир у наших копыт. Кто в глаза наши посмотрит – от соблазна зачахнет.

– Это как? – спросил Чёрт, не мигая.

– Ты что, баран? – фыркнул двойник. – Смотри: мы – величие. Та сила, что шёпотом приказывает. Стоит лишь захотеть – и желания других станут нашими игрушками.

Рога отражения вспыхнули золотым светом, а под ногами забурлила лава, складываясь в лестницу вверх.

– Видишь? Я богатство, я удача, я обман, что всегда в выигрыше. Нас сам Дьявол не перехитрит! – раздался голос отражения Лиса. Оно сверкало зубами и щеголяло мехом, а Лис, взволнованно глядя на себя, гладил хвост, не в силах оторваться.

А у Хитёра отражение оказалось иным: безликое, будто сотканное из дыма, но с глазами, пронизывающими насквозь. Оно шептало:

– Мы там, где рождаются мысли. Мы победители всегда. Я – твой разум, очищенный от слабостей. Взгляни – и ни одна тайна не скроется.

Хитёр сглотнул. Его руки дрожали, но глаза впивались в отражение с жадностью.

И тут Чёрт шагнул к своему двойнику. Сияние золотых рогов ослепило его. Он моргнул – и отражение поплыло, теряя чёткость.

– Не фиксируй явь! Не буди сознание! – выкрикнул Чёрт и стал моргать часто-часто, не давая образу закрепиться. Отражение рассыпалось, а твердь задрожала, уходя из-под ног, словно заставляя его снова фиксировать взгляд.

Но Чёрт не сдавался. Подбежал к Хитёру и начал ладонями закрывать и открывать ему глаза. Отражение Хитёра тоже рассыпалось, и твердь вновь затряслась.

– Моргай! Не фиксируй ничего! – перекричал грохот Чёрт.

Они схватили Лиса под лапы и начали хлопать его по векам.

Так они и спустились с холма.

– За что?! – жалобно взвыл Лис с припухшими глазами.

– За гордыню твою, – усмехнулся Чёрт.

И снова они стояли, посреди моря холмов на тропе.

– Гордыня – зеркало абсурда, всегда рисует выше, чем ты есть.

Кто в зеркало шагнёт, примеряв отраженье, в мелком одиночестве сгниёт!

-Выпалил Хитёр

–Тебя что, музы покусали – раздражено влупил по затылку оплевуху Чёрт Хитёру.

–Оно само, само, это не я – испуганно ответил Хитёр.

Смерть, Гера и Дьявол

Смерть шла рядом с Герой через Лес Вед.

– Ну как там корова Ио, приставила ли к ней Аргуса Паноптеса? – спросила Смерть.

– Всё хорошо, – ответила Гера. – Теперь это уже другая корова, и сто глаз над ней не нужно. Она больше не полезет туда, куда не надо.

– Сейчас лес пересечём, и край тверди, – сказала Смерть. – В самом лесу на край отвести не могу. На обратном пути могу из Вед попасть в Искушение... или, того хуже, в Немой Лес.

Но Гера её уже не слушала. Она шла сквозь лес, и деревья склонялись под её взглядом, будто слушали её дыхание. Волосы её блестели, как тёмные волны вечернего озера, а глаза сияли холодной мудростью и печалью.

Лес шептал ей:

– Смотри, Гера... их страдания не от формы, а от чар. Они томятся, покуда искушение не отдано в равновесие.

И по тропе поплыли силуэты: корова с глазами человека, лебедь с плачем ребёнка, медведь с голосом, дрожащим от тоски.

– Гера! Гера! – Смерть встряхнула её. – Очнись!

Гера моргнула и вышла из тумана.

– Что? – спросила она.

– Ты что воздуха переела? Я тут с кем разговариваю? – усмехнулась Смерть.

Но ответить Гера не успела. Твердь ушла из-под ног, и они обе провалились вниз – прямо в пекло, к Дьяволу.

Они оказались в огромном зале. По краям со свистом летали огненные капелюки, закладывая слух. На плечах Геры появилась мантия от Vellurion, защищающая от жара. В центре стоял тяжёлый гранитный стол, и напротив них сидел Дьявол – в строгом костюме с воротником-стойкой. В руках у него была чашка.

– Привет, красавицы, – сказал он.

– Привет, Дья, – ответила Смерть.

– Сто дней и ночей тебя не видела, – добавила Гера.

– Садитесь, сегодня чай, – пригласил их Дьявол.

Чай был сварен из терновника, собранного на границе пекла. Пар клубился тёмным серебром, и в воздухе скользили искры, будто от него исходило скрытое пламя. Вдохнёшь – и чувствуешь горечь с едва заметной сладостью.

– Очень смешно, – с иронией сказала Гера. – Что удумал с терновым чаем?

– Да чай отличный, – усмехнулся Дьявол. – Не венец же.

Смерть уже сидела за столом и пила. Чай впитывался прямо в её кости.

– Отличный чай, – сказала она.

Гера тоже присела и пригубила.

Дьявол сделал глоток, откинулся в кресле и заговорил

мягко, словно наставник:

– Итак, Гера... Твой супруг Зевс. Да, он блудник, такова его природа. Он соблазняет, превращает, обманывает... Но в этом не только сила, но и слабость – бессилие перед собственным желанием.

Он наклонился ближе:

– Ты ревнуешь? Правильно. Но твоя ревность – это зеркало, где отражается твоё могущество. Смотри на тех, кого он изменил: Ио, Каллисто, Леда... Они страдают не от его любви или ненависти. Они страдают, потому что оказались в искушении. Искушение – всегда кара демонами. И для того, кто ведёт, и для того, кто поддаётся. Повезло лишь Данае с золотым дождём, породившей Персея.

Он сделал паузу и снова пригубил. Капля тернового чая упала с края чаши, исчезнув в пустоте.

– Так вот, Гера, – продолжил он. – Ты можешь злиться, но знай: я слышу голоса закованных. Я их освобожу, а искушение само накажет. Твоя сила – не в мести, а в мудром вмешательстве. Времена нынче другие. Дай ему хорошую взбучку, а потом поговори и отпусти на все четыре пространства. Он почувствует возможную потерю и сбавит свой пыл.

Пар от чаши закружился, образуя тени: птиц, медведей, коров – всех, кого Зевс когда-то превращал.

– А если дальше пойдёт в блудливые чары... – сказал Дьявол с холодной улыбкой. – Я с Сатаной поговорю. Пусть явит ему воплощение его собственной слабости в его монстре, и

тогда придётся Зевсу сражаться с самим собой. Его блуд мне не интересен, пусть чары прекратит.

Он откинулся назад, сделал последний глоток, и тут же Геру и Смерть толчком выбросило обратно на твердь.

– А ведь Дья дело говорит? – сказала Смерть.

Гера стояла красная, как раскалённая лава.

– Как девочку отчитал! – возмущённо сказала она. – Будет он у меня скоро пятое пространство искать!

Холм Страха

– Вон он, третий, – показал Лис, и шерсть у него встала дыбом. Холм будто накрыт серым туманом, из которого то и дело доносился вой, шёпот и чей-то протяжный стон.

– Уж больно он неприятный, – скривился Хитёр. – Может, обойдём?

– Не обойдём, – буркнул Чёрт. – Тропа только через него.

Они ступили на скат холма. Над ними сомкнулся мрак, а твердь под ногами стала вязкой, липкой, словно болотный торф. И сразу – вой. Казалось, сама твердь выла на каждый их шаг.

Первым завизжал Лис. Из темноты выступили охотники: ружья вскинуты, собаки лают, а позади – ателье с ярко освещёнными витринами. На вешалках болтались шубы, и каждая была сшита из рыжего меха, до боли знакомого. Это же... мой хвост! – завыл Лис, прижимая лапы к себе. – Они хотят меня освежевать!

Хитёр застыл. Его окружила полная тишина. Он пытался что-то сказать, но сам себя не слышал. Мир почернел. Он ощутил, что ослеп и оглох, а мысли растворялись, не успев появиться. Осознание плавилось – Я пустой... пустой! – метался Хитёр, размахивая руками в пустоте.

А Чёрту явился сам Дьявол. Красные глаза горели, руки тянулись к нему, превращаясь то в клещи, то в когти. Дьявол

менял облик Чёрта: то многоногая сколопендра, то паук с кукольной головой.

– Ты жалкий! – ревел Дьявол. – Ты грязь под моими ногтями! Игрушка моей силы!

Страх сжимал их, как петля. Чёрт извивался, пытаясь сбросить образы, но всё было тщетно. Он упал на колени, и кувшин с вином слетел с одного плеча, треснув в ребро Чёрта. Чёрт схватился за него, сорвал крышку и жадно исхлебнул, хмель ударил в голову, мысли закружились, и видение съёжилось: Дьявол сдулся до размера куклы, пищащей под ногами.

– Целуй копыто, – усмехнулся Чёрт, подставляя ему ногу.

Но крошечный Дьявол махал руками и визжал:

– Иди ногти помой, слабак!

Чёрт фыркнул и переступил через него и подошёл к Хитёру. Он плеснул тому в рот вина несколько раз. Как только Хитёр словил хмель, мысли вернулись в голову, зрение прояснилось и слух прорезался.

– Пей, – сказал Чёрт, икнув, и протянул кувшин.

Хитёр схватил кувшин и испил, что духу хватило.

– Ещё! – выкрикнул Чёрт и снова приложился первым.

Хитёр схватил Лиса под лапы:

– Третьим будешь! – прокричал Хитёр.

И он с Чёртом заржали, словно лошади. Чёрт плеснул в пасть Лиса вина так, что тот подавился, упал на колени и закашлялся, жадно хватая пастью воздух.

– Слабак, – хмыкнул Чёрт, пошатываясь. – Как тот Дьявол.

– Какой Дьявол? – спросил Хитёр, вытирая губы.

– Да вот тот, с грязными ногтями, – снова ткнул Чёрт в туман.

Лис отдышался, судорожно прижал хвост к груди.

– Пей, – повторил Чёрт, сунув кувшин.

И Лис от страха жадно наглотался вина. Его прорвало: он завыл, зарыдал, захлёбываясь слезами.

– Я не хочу на шубу! Я не хочу! Охотники – мрази!

Чёрт с Хитёром, смеясь, потащили его вниз с холма. Там, на мягкой траве, они рухнули, отдышались. Лис всё ещё ревел, дрожа, а Чёрт с Хитёром допивали вино с кувшина.

– Алкоголь – туман двойного края: он страх сжигает, боль стирая. Но кто за грань в нём перейдёт – в обмане радости умрёт от жуткой боли в немом страхе, – выпалил Чёрт.

– Красиво! – восхитился Хитёр.

А Лис продолжал ныть, трясясь от страха.

Шёпот Нимф

В Умбралисе вечер всегда начинался рано. Солнце ещё держалось за крыши, но улицы уже тонули в туманах, а над башнями едва поднимались первые звёзды.

Только женщины знали о тайном проходе – узкой арке, ведущей к двери, которую мужчины никогда не видели. За этой дверью ждала таверна «Шёпот Нимф».

Стены там жили своей жизнью: они шептались, ворчали, иногда смеялись. Гостям, что приходили одни, они открывали тайны, а для остальных таверна была просто домом – местом разговоров, чар и напитков.

Хозяин, барлин Тавертэль, стоял за стойкой. Его шесть рук одновременно мешали настои, перетирали листья, переливали настойки в бокалы. Шесть глаз – два спереди, два по бокам и два на затылке – следили за каждым движением. Рядом, как тень, всегда была его жена, беззвучная хранительница и помощница таверны.

В тот вечер дверь отворилась, и в зал вошли две ведьмы. Первая – Кирка, повелительница зелий и чар, что знала силу превращений. В её походке звучала уверенность, но глаза светились настороженностью.

Вторая – Суламита, древняя мудрая ведьма, чьё имя ещё хранили старые песни о тоске и любви. Она шла медленно, словно её каждое движение несло в себе эхо веков.

Кирка сняла мантию и оперлась на стойку.

– Тавертэль, мы пришли за травами. Нам нужен отвар, что глушит грехи.

– Значит, в Лес Грехов собрались? – спросил барлин. – Там же каждый шаг возвращает слова и поступки, от которых сердце дрожит.

Суламита кивнула.

– Мы идём за полынью Любви.

Тавертэль раскрыл корзины. Его руки закружились так быстро, что казалось – их стало ещё больше: одни вытаскивали связки трав, другие добавляли порошки, третьи завязывали мешочек. Перед ведьмами легла смесь для отвара.

– И два коктейля, – добавила Кирка.

Барлин накрыл их ладони своими шестью. Коснувшись Кирки, он уловил в её душе опасность и приготовил напиток из чёрной мяты и капли ртутного нектара – отводящий беду. Коснувшись Суламиты, услышал тоску её сердца и сделал настой из слёзной росы и золотого мака – возвращающий тихую радость.

С бокалами ведьмы сели за стол. Но он был занят: на нём уже устроились Сёстры Слухи.

– Девочки, давайте-ка за свой столик, – сказала Кирка, сверкая глазами. – Вам Тавертэль его сделал особым, в дальнем углу.

– А мы не хотим, – обиженно протянула первая.

– Там ничего не слышно, – добавила вторая.

– Да-да, – поддакнула третья.

– И вообще, мы раньше вас пришли, – закончила четвёртая.

Кирка сверкнула глазами:

– Ещё слово – и я вас в овец превращу.

Сёстры недовольно вспорхнули и улетели в свой угол.

В этот момент в таверне открылась дверь, и вошла вампирка ВеРа. Как только за ней закрылась дверь – она исчезла.

– О, ведьмачки мои любимые! – воскликнула ВеРа, подбегая к ним.

– Упырик наш! – засмеялась Кирка, и они обнялись.

– Что у тебя нового? – спросила Суламита.

– Взяла в Читальне историю долины Элион, – ответила ВеРа.

– Хороший выбор, – кивнула Суламита.

Кирка сняла кольцо и надела его на указательный палец ВеРы:

– Через одну луну – на вторую от этой – не строй планов. Ждёт тебя представление.

– Обожаю представления! – захлопала в ладоши ВеРа.

Смеясь, ведьмы обняли её и отпустили к стене на одиночный столик.

Кирка подошла к Сёстрам Слухам:

– Всё, хватит дуться. ВеРа пришла раньше, чем мы думали. Стол снова ваш. Но вот список гостей и мешочек с кольцами. Разнесите их – и раздайте каждому по кольцу на пред-

ставление. За это мы и вас приглашаем ваши кольца в мешочке. Только помните: проболтаетесь случайным – ваши кольца исчезнут и мы вас отправим собирать любопытных с холмов.

– Мы не подведём – радостно сказала первая сестра

– Вот это новость! -удивленно сказала вторая

– Ни каких новостей, только по списку сказала четвертая

–Да, да – сказала напряженно третья пытаюсь поднять мешочек с кольцами.

–Вчетвером кольца понесёте – сказала Кирка смотря на третью. – Все бывайте – добавила она и направилась к Суламите.

Сёстры засуетились, забрали папирус и мешочек.

Ведьмы допили коктейли. Суламита подошла к стойке.

–Тавертэль – позвала она барлина.

– Чуть не забыла – и протянула ему травы с пылью слизи

– Как и просил с тропы улитки для успокоение пылких детей перед сном.

– Отлично, – поблагодарил барлин.

–И вам не хворать – сказала Кирка и накинула мантию.

Перед ведьмами снова появилась дверь, и они ушли. А ВеРа села у стены, с бокалом донорской крови в руке, и открыла книгу.

– Большая Твердь откроет Шесть, – прошептала стена.

– Что Шесть и что за Большая Твердь? – спросила ВеРа.

Но стена больше не ответила.

– Так, кто первый в списке? – спросила четвёртая Слуха.

– Дьявол, потом Сатана, Смерть. Смерти кольцо не давать – только сообщить. Дальше все Музы и Ленивая Фея, Vellurion – перечислила первая.

– Так что сидим? Полетели! – сказала вторая.

– Да-да, – поддакнула третья.

Четвёртый холм

Чёрт держался за голову, покачиваясь:

– Как же башка болит... Будто мои рога внутрь расти начали!

Хитёр поморщился, потирая виски:

– Вообще ничего не помню, как с холма спускались...

А Лис сидел чуть поодаль, с красными опухшими глазами, молча глядя на них.

– И правильно, что не помнишь, – фыркнул Чёрт. – Память больнее похмелья.

Он встряхнул кувшин за спиной – тот отозвался пустым эхом.

– Эй... он что, пустой? – насторожился Лис.

– Сухо, как у попа в душе, – вздохнул Чёрт.

Троица пошла дальше.

– Ну что, на холм? – спросил Хитёр.

– Иди давай, – толкнул его Чёрт.

Они поднялись на новый холм – но ничего не происходило. Тишина стояла глухая, даже ветер будто ушёл.

– Что-то не так, – сказал Лис. – От этого холма прямо мороз по коже.

– Вот и мне не по себе, – пробурчал Чёрт.

На вершине стояла табличка.

На ней было выжжено:

«Кто на ту сторону шагнёт -

вновь явь переживёт:

поступок смотрящего и раскаянье,

что смотрящего сожрёт».

– Это что за ересь? – нахмурился Хитёр.

– Что-то ужасное, – ответил Чёрт... и толкнул Лиса за табличку.

Картина ожила.

Игральный дом. Вечер.

Гномы только собираются за столы.

Лис самоуверенный, мешает карты.

За спиной у него мирно дремлет печь с тлеющими дровами.

– Хорошо тусуй, Лис, удачу от гномов отводи, – усмехнулся проходящий мимо Чёрт.

– Без рогатых знаю, – зло буркнул Лис.

Чёрт прищурился, махнул хвостом у дыхала печи – и та вдруг чихнула.

Угли взвились и осыпали Лиса – хвост загорелся.

– Моя шерстка-а! – завопил Лис, сбивая с себя пламя.

– Извини, я не хотела! – испуганно с просони пискнула печь.

А Чёрт с улыбкой лупил Лиса:

– Угли, угли!

Запах палёной шерсти резанул воздух.

Сердце Лиса сжалось – всё вернулось: боль, стыд, унижение.

– Ты! – взревел он. – Это ты тогда был! Хвостом поддыхало!

Он отпрянул за табличку.

Чёрт застыл, глядя в землю – внутри всё разрывалось от вины.

– Из-за тебя я тридцать лун с подвязанным хвостом ходил! – кричал Лис, едва сдерживая слёзы.

– Я туда не пойду, – пробормотал Хитёр.

– А я пойду, – зло бросил Чёрт и шагнул за табличку.

Игральный дом снова ожил.

Смех, шум, кружки, вино.

– За нас, за дом и за удачу! – поднял кубок Чёрт.

В тот вечер они напились в дым.

Лис швырял дротики, в яблочные мишени, но всё мимо.

Чёрт хохотал и, расталкивая гномов, полез сам:

– Отойди, шуба лисья, учись!

– Кто? Шепнул Лис и пододвинул табурет под копыта черта.

Чёрт споткнулся и полетел вперёд – хватаясь за воздух, впечатался рогами в стену.

Толпа загоготала.

Лис подошёл к пьяному но самому меткому гному:

– Три ставки за счёт заведения, если черту в жопу попа-

дѣшь. И сунул ему дротик.

– Гном обрадовался и что есть силы запустил дротик прямо в правое жопье черта..

Чѣрт взвыл, как раненый бык.

Смех стоял до потолка.

– Ещё одна ставка за счёт заведение если возьмѣшь вину на себя – прошептал Лис гному.

Я не чайно! – выкрикнул гном.

Лис выдернул дротик, стараясь не попасть под копыта.

Чѣрт прыгнул обратно за табличку, держась за полужопье.

Хитѣр катался по траве от смеха:

– Черта в жопу ранили!

Чѣрт зарычал, пнул его копытом:

– Рот свой закрой!

– Ах ты рыжее недоразумение – не успел договорить Черт. как Хитѣр шагнул за табличку

Мир мигнул – и они снова в Игральном доме.

– Смотри какой – сказал Чѣрт указывая на гнома в золотом шлеме. Хитѣр увидел и глаза вспыхнули огнѣм он рванул к гному.

– Шлѣм – сказал Хитѣр гному

– Что шлѣм? спросил гном.

– Хочу сыграть на твой шлѣм, предлагаю с моей стороны перо само пишет из чистого золота, такое есть только у меня

и самого Дьявола.

– Давай. Без промедления сказал гном.

– Смотри потёк – сказал Чёрт Лису.

Чёрт и Лис переглянулись.

– Колоду подмени, – шепнул Чёрт.

– Уже, – ответил Лис, ухмыляясь.

Мрачный – позвал Чёрт фонарь.

– Будешь мне показывать, что у гнома на руках – и отправил висеть над гномом, а Лис уселся за Хитёром с ехидной улыбкой. Лис показывал черту карты Хитёра, а Чёрт через Мрачного освещал гному ту карту которой нужно было ходить или отбиваться да прикуп брать.

Хитёр азартно бросал карты, гном отбивался хладнокровно.

– Не может быть... – прошипел Хитёр, проигрывая.

Гном забрал перо.

– Хорошо ставки повышаются – взволнованно сказал Хитёр.

– Мантия от Vellurion которая прячет тебя от глаз ненужных и ищущих тебя, как раз будешь от жены прятаться, когда за тобой приходиться будет; но играем так – моя мантия твои шлем и перо.

– Давай – спокойно ответил гном И снова – поражение.

Картина оборвалась.

Теперь перед ними стояла сцена у светлых альвов.

Лис нёс мешочек с золотой пряжкой – плату за лекарство для бабушки.

Хитёр, скучая, распорол мешочек и прицепил пряжку к набедренной повязке у хвоста Чёрта.

– Привет Альвы! Мы за лекарством – поприветствовал Лис Альв

– Привет, пряжку принёс – спросила альва

– Конечно – лис полез в мешочек – Да где же она – бормотал он и заметил, что мешочек надорван.

– Потерял – с досадой сказал Лис.

– Но договор же, без выполнения договора лекарство теряет свою силу – сказала Альва. Лис вытряхивал мешочек с слезящими глазами.

– Что плут не мог в лапах нести? строго спросил Чёрт.

– Пошли быстрее искать потянул Лис чёрта и заметил пряжку на его повязке. Злость обуяла Лиса, и он что есть силы укусил черта за хвост и накинулся с тумакками, чёрт опешил отмахиваясь.

– Ты что рыжая паскуда делаешь? озадаченно спросил Чёрт.

Оба вывалились за табличку – злые, измученные.

Лис злой как собака, а черт дул на хвост. Хитёр стоял с открытым ртом.

– Я тебе язык сейчас вырву – заорал на Хитёра Лис.

– Стоять! – крикнул Чёрт. – Что это сейчас было? Почему

явь сменилась?

– Я... я табличку развернул, – пролепетал Лис. – Хотел, чтоб сцена с золотым шлемом пропала.

– Значит, явь ушла на противоположную сторону? – спросил чёрт.

Они молча пошли вниз по склону.

Холм дышал за их спинами – ехидными усмешками. И раскаяние грызло их изнутри.

С небес грянул теплый ливень.

– Вот только этого ещё не хватало- психанул Чёрт.

Дьявол, Слухи и Сатана

Ливень накрыл всю Твердь Элион.

Ливень всегда шёл, когда сама твердь хотела испить - влага её жила, дыхание её телесное.

– Ну и погодка, – сказала первая Слуха, встряхивая крыльшки.

– А как кольца разносить будем? – спросила вторая.

– Да-да, – кивнула третья.

– Отнесём всё к Ленивой Феи, а там разбежимся. Пока вместе разносить будем – представление закончится, – сказала четвёртая.

Так и сделали.

Ленивая Фея лежала в гамаке из паутинных нитей под огромным лопухом.

Ливень барабанил по листу, и каждая капля звенела, как нота сна.

– Привет, Ленивая Фея, – хором пропели Слухи.

– Привет, Слухи. Что принесли? – спросила она, не открывая глаз.

– Ведьмы представление задумали. Через одну Луну ждут тебя у себя, – ответили Слухи и протянули кольцо.

Фея лениво подняла руку и надела кольцо.

– Хорошо. Передайте – буду.

– Зачем передавать? Нас об этом не просили, – заметила

вторая.

– Не надо ничего никуда передавать, – фыркнула первая.

– Так, я к Дьяволу, – сказала четвёртая.

– Ты к Смерти, – указала она на вторую.

– Ты – к Vellurion, – сказала третьей.

– А ты – к музе любой, – первой.

– Как закончим, пойдём все вместе к Сатане.

Слухи схватили кольца, оставив мешочек с остальными под Феей, и исчезли.

Четвёртая Слуха сразу провалилась под твердь.

Перед ней стояла высокая вешалка на ножках, на которой висела мантия Vellurion.

Слуха уселась на вешалку под капюшон – и та, прихрамывая, пошла в пекло.

Они прошли несколько залов, где воздух дрожал от жара, и увидели Дьявола.

Он стоял, глядя вверх:

с потолка капала вода – редкие капли ливня просачивались сквозь Твердь.

Но едва влетев в преисподнюю, они испарялись, и каждый пар от капли поднимался испарялся с криком.

– Я с ума сойду от этого крика, – сказал Дьявол.

– Чердак течёт, а Либрадору дела нет! – рявкнул он.

– ЛИБРАДОР! – позвал громом Дьявол.

Либрадор: Когда появилась первая Истина, её тень написала первую ложь – и этой тенью стал Либратор и сказал

«Истина без противоречия мертва.». И пришёл он к Дьяволу писцом быть, накладывая вторую сторону на всё.

– Да, Дья, чего орёшь? – спросил он.

– Чердак течёт! С той стороны заделаешь или мне тебя на кол посадить да к расщелине поднять, с этой заделаешь?

– Лучше со стороны Тверди заделаю, – ответил Либрадор.

– А с этой – будет лишь временное решение.

Сказал Либрадор и исчез.

– Здравствуйте, мистер Дьявол! – пропищала Слуха.

– Мамочки Преисподние! – отпрыгнул Дьявол. – Ты как сюда попала?

– Вешалка привела, – ответила Слуха.

– Это я? Сестра Слуха – сказала она.

– Я уж подумал, проверка с Рая пришла. Вижу что это ты; с чем пришла? Если слухи сеять, то давай на выход. – сказал Дьявол.

– Приглашение от ведьм. Через одну Луну – представление. – Слуха протянула большое кольцо.

– Вот нечисть прекрасная... Я сам через троих болванов их звал – а они теперь меня зовут. Ну да и ладно, хоть пекло прибирать не придётся, – усмехнулся Дьявол.

– Я пошла?

– Иди – ответил Дьявол.

Вешалка развернулась и, хромая, пошагала обратно.

Третья Слуха летела сквозь ливень к живой двери Vellurion'a.

Дверь была соткана из трав и светилась росой.

– Привет, Слуха. Кольцо принесла? – прошелестела трава.

– Да, да.

– Vellugion занят, Кратосквинта у него – новый наряд при-
меряет. Твоя сестра уже кольцо передала.

Из травы выросла ладонь:

– Ложи сюда. Я передам. Представление через одну Луну?

– Да, да – кивнула Слуха, положила кольцо и улетела.

Смерть сидела в каменном кресле в пещере горы Ной-
ритмз.

Она пила коктейль из дождя и слушала, как ливень укрывает твердь.

Вторая Слуха опустилась на её правое плечо.

– Печален тот, кто слухам верит. Безумен тот, кто отвер-
гает их. Печален тот безумец, что слухи проверяет, обнажая
всю историю от красок лжи. – сказала поэтично Смерть.

– Мы и не лжём! – обиделась Слуха.

– Слушаю, – сказала Смерть и откинула капюшон, открыв
слуховой проход.

– Ведьмы приглашают на представление через одну Луну!
– запищала Слуха прямо в ухо.

– Поблагодари ведьм, но я не смогу, – откликнулась ей
Смерть. – Иду Черта к краю отводить.

– Черта? К краю? – глаза Слухи округлились.

– Он недавно в лесу что-то кричал, – добавила Слуха.

– Устал он. Хочет смертным в забвении побыть. – ответила спокойно Смерть.

– Хорошо... передам ведьмам, – прошептала грустно Слуха и улетела.

Когда она вернулась к Ленивой Фея, там уже были все Сёстры.

– Что с тобой, глаза сейчас выпадут! – спросила первая.

– Да-да, – поддакнула третья.

– Пойдём кольца остальным музам относить, – печально сказала вторая.

– Я все кучей Кратосквинте отдала – еле дотащила, она остальным передаст – ответила первая.

– А я у Дьявола была, – не сдержалась четвёртая. – У него чердак потёк, и он грозитя Либрадора на кол посадить.

– Совсем мозги отморозил в пекле своём! – удивилась Фея.

– А я у Смерти, – тихо сказала вторая. – Она не придёт. Поведёт Черта к краю.

– Мать моя единорога посла! – вскрикнула Фея. – Что с Чёртом то уже?

– Смерть сказала: Очень усталый он. Хочет забыться и пожить смертным.

Ленивая Фея нахмурилась:

– И этого довёл... Чердак точно потёк. На представлении у ведьм я ему рога свяжу, чтоб не текло!

– Ладно, – сказала вторая Слуха. – Нам ещё к Сатане.

Сёстры Слухи взяли мешочек с кольцом и исчезли.

Истина, от которой тошнит

Ливень всё ещё шёл, поя Твердь.

Сёстры Слухи долетели до развилки из шести дорог.

– Я не помню, куда дальше, – сказала первая.

– Раньше тут была табличка, – заметила вторая.

– Да-да, – подтвердила третья.

– Отсталые, – вздохнула четвёртая. – Вставайте рядом со мной.

Они собрались в круг, в центре развилки.

– К Сатане! – громко крикнула четвёртая, открыв глаза до белков.

Воздух вспыхнул – и вихрь подхватил их, как невидимая рука.

Они вылетели перед аркой Хребта Стонов, кубарем, рассыпавшись, словно шуршащие листья.

– Не доработано, – сказала четвёртая, лежа на мокрой тверди.

– Что это было? – спросила вторая.

– Технология Кванта, – ответила четвёртая.

– Что-то я про неё не слышала, – удивилась первая.

– Да-да, – подтвердила третья.

– Пошли, – сказала четвёртая, и они полетели дальше.

Когда пролетали под аркой, вторая спросила:

– Почему гора стонет?

И вдруг перед ними появилась История – прозрачная, как
тень,

и начала говорить:

– Эта гора – вместилище эхо стонов тех, кто борется со
страстью зависимости.

Когда зависимый тонет в страсти, он рисует монстра.

А Сатана порождает этого монстра в бытие,

ставит перед создателем – чтобы тот увидел себя и принял
бой.

История исчезла.

– Ни фига не понятно, но очень интересно, – сказала чет-
вёртая.

– Да-да, – подтвердила третья.

– Помним, – сказала первая, – в глаза Сатане не смотреть!

В них отражаются страстные грехи каждого, кто осмелит-
ся взглянуть, и тот, кто увидит себя в его взгляде, уже не
вернётся прежним.

Дворец Сатаны стоял без окон и без теней.

Он был наполнен судом и монстрами – теми, кто когда-то
был побеждён зависимым. Каждый монстр парил тихо, из-
лучая боль и страх битвы и ждал момента перерождения на
новую битву.

Сёстры Слухи пролетели через ворота, похожие на рас-
крытый зрачок,

и оказались в зале наполненном тишиной ожидания.

И как только они увидели Его мигом опустили глаза в ноги

его.

Он стоял без признаков чудовищности – ни рогов, ни копыт, ни запаха серы.

– Привет, Сатана, – сказали Слухи хором.

– Мы от ведьм, с приглашением на представление, – сказала вторая.

– Через одну Луну, – добавила четвёртая.

– Да-да, – подтвердила третья.

– Поднимите глаза. Не бойтесь, – спокойно сказал Сатана.

– Ага, сейчас! – фыркнула первая. – Ещё не хватало увидеть Истину, от которой тошнит.

– Истину, от которой тошнит? – переспросил Сатана.

– Ну да, – ответила первая. – Когда гадостей наделаю и осознаю – у меня от этого живот сводит. А в твоих глазах всё отражается.

Сатана усмехнулся:

– А слухи без истины – как дыхание без плоти.

Пустое движение воздуха.

Он снова сказал мягко, но настойчиво:

– Поднимите глаза.

Слухи медленно подняли взор на Сатану, он стоял в белоснежных одеяниях с аккуратной стрижкой и в черных очках от Vellurion скрывающих его глаза.

– Вот это Матушки новости, какой красавчик – сказала вторая сестра

– Да-да, – подтвердила третья.

Остальные повисли в воздухе, разинув рты.

– Держи ведьмино кольцо, красавчик, – сказала четвёртая и протянула кольцо.

– Спасибо, – ответил Сатана, принимая. – Давно мне комплиментов не делали.

Кто ещё будет на представлении?

– Музы, Дьявол, Вампирка ВеРа, Vellurion, ты и Смерть, а нет Смерти не будет она Черта к краю поведёт. – ответила первая Сестра.

– Черта к краю? Вы ни чего не перепутали? Спросил озадаченно Сатана.

– Нет – ответила вторая – Я у Смерти была, мне она сама сказала. – Это у Дьявола чердак потек, он на кол Либрадора посадить хотел и мозги свои отмаризил в пекле своем и Чёрт устал – быстро не давая остальным сказать пропищала первая.

– Да да – подтвердила третья.

– Мозги в пекле отморозил? – удивленно спросил Сатана.

– Да да – ответила третья.

– Ладно у ведьм с Дьяволом поговорю в чём суть да дело – сказал Сатана махнул рукой и растворился.

А ливень всё шёл, поя Твердь.

– Ну и что теперь? – спросила четвёртая, вылетая из дворца.

– Никуда, – ответила первая. – Если проболтаемся – ведь-

мы кольца отберут.

– Да-да, – подтвердила третья.

– Полетим к Ленивой Фее, – предложила вторая. – Там отсидимся до представления.

И они согласились.

Эхо Свитка Сознания V

Пространство начинает дрожать.

Слово замирает, буквы становятся хрупкими, как кости, и вдруг слышится скрежет пера внутри черепа Смерти.

Это не звук – это трение мысли о пустоту, когда сама ткань повествования разрывается.

Тогда проступает Эхо Свитков Материи Сознания.

Он не написан рукой, он выцарапан отсутствием, оставлен в памяти того, кто осмелился слушать тишину между дыханиями.

Сама Смерть погружается в размышления от скрежета в черепе,

получая короткую истину, от которой нельзя уклониться, истину, не имеющую трактата.

«Когда ложь иссякает, истина поднимается, как рвота из глубины души. Не ищи в ней мерзость – ищи очищения. Так узнаёт себя поступок лжи, ставший Словом, и Слово, ставшее Судом»..

ЧЕРТЯ

– Пока ливень идёт – на холм нас не пустит, – сказал мокрый Чёрт, утирая рога.

– Почему? – спросил Хитёр.

– Холм пьёт, – ответил Чёрт.

– Я мокрый, как собака... хорошо хоть ливень тёплый, – пробурчал Лис.

Они ещё долго сидели под дождём – молча, слушая, как вода падает на твердь, а твердь пьёт воду.

Постепенно темнело. Ливень стих.

– Отлично, – обрадовался Чёрт. – Идём. Раньше вступим – раньше сойдём.

Они поднялись и ступили на выступ холма.

В ту же секунду взвыл ветер.

Пространство рассеклось и обвило их, высасывая дыхание.

Силой вихря их подняло в воздух и швырнуло вниз.

Когда всё затихло, они сидели в креслах – прикованные, а перед каждым тянулось собственное пространство – три мира, три отражения.

Чёрт повернул голову. Лис сидел седой, облезлый, с трясущимися лапами – старый, как сама история.

Повернул к Хитёру – тот был лыс, с впалыми щеками, морщины тянулись, как корни.

Чёрт опустил взгляд -
его ноги были скованы в луже.

В отражении он увидел себя – рога раскрошены, борода
редкая и серая,

веки тяжёлые, зубов половина, взгляд угасший.

Лис зарыдал, глядя в своё отражение.

Хитёр угрюмо смотрел в своё.

И вдруг Твердь качнулась – пространства ожили.

Хитёр увидел себя молодым: он шёл по лунному мосту
Умбралиса, в обнимку с прекрасной Тюхе. Рядом с ними
прыгала Любовь, разбрасывая искры вокруг.

Удача обвивала их, как свет. Хитёр целовал Тюхе щёки,
она смеялась и гладила его.

Ему казалось, что он способен покорить океан и достать
со дна песок счастья – для неё.

Он был счастлив, как никогда.

А потом опустил голову – и снова увидел свое старое от-
ражение.

– Я всё потерял, гонясь за удачей... – прошептал Хитёр,
и слеза скатилась в лужу.

Лис смотрел на своё пространство.

Он увидел себя с Лисяньей – и двух лисят.

Они жили в уютной глыбе у рощи дубов, за Умбралисом.

Молодой Лис писал что-то за столом,

а Лисянье подошла, обняла и шепнула на ухо:

– Сейчас детей за курицей отправлю, фонари прогоним – и я тебя съем.

Она засмеялась, а Лис сиял от счастья.

В пространстве он был живой,

а в яви – плакал.

– Я стар... и никогда больше этого не переживу, – шептал он.

– Моя Лисянье...

А Чёрт видел свой мир:

он носился с тринадцатю чертятами по пеклу Дьявола и кидались капелюками, и смех звенел оглушая черта.

– Папа, ты мне в глаз попал! – вскрикнул один.

Чёрт схватил его, вылизывая глаз:

– Потерпи, не хотел... сейчас всё пройдёт.

Голос сверху – мягкий, как дым:

– Бегом кушать!

– Мама зовёт! Кто последний – тот посуду моет! – крикнул

Чёрт

и понёсся вверх на твердь, а за ним – чертята.

Их глыба стояла в прикованном лесу, который не мог передвигаться.

На пороге стояла Чертя, прекрасная, как мгла.

Он кинулся к ней, и начал вылизывать ей глаз.

– Чёрт, не время, дети бегут, – смеялась она,

– Чёрт, не время, дети бегут, – смеялась она,

схватив его за рог.

– Ай-ай, Чертья, сломаешь! – визжал Чёрт от счастья.

Они сидели, переполненные счастьем от своих пространств

и печалью от отражений -

осознавая, что всё могло быть иначе.

– Завтра пойдём к Дьяволу, – сказала Чертья. -

Он нас с Лилит приглашал. Я приготовлю паштет.

– Пашт... что?! – Чёрт вскочил. -

Это всё не явь! Чертья – коварна! Паштет она приготовит только из меня!

Пространство Чёрта застонало и рассыпалось.

Кресло растаяло, лужа высохла.

Чёрт подлетел к Лису, тряс его:

– Очнись, Лис! Это всё морок!

Но Лис лишь шептал:

– Лисянье... я твой... навеки...

– Твоя Лисянье – плутовка и обманщица!

Очнись, Лис! – кричал Чёрт.

И слова его, как гром, ударили в пространство.

Оно рухнуло – кресло утонуло в луже и высохло.

– Я не стар! – радостно вскрикнул Лис.

Чёрт подошёл к Хитёру. - Подожди – игриво он сказал Лису.

– Эй, поплывший, ты тут? – ехидно спросил он.

Хитёр бормотал:

– Тюхе... ты моя удача... мой смысл...

– Тюхехе, ты моя удача, ты мой смысл! – передразнил

Чёрт.

Лис катался по траве, умирая от смеха.

– Мне нужна только ты! – крикнул Хитёр в своё отражение.

– Но ты такой старый! – пропищал Чёрт женским голосом.

– Я молод! – завопил Хитёр.

– А твоё отражение – омерзительно! – насмешливо бросил Чёрт.

Хитёр рыдал:

– Тюхе, не покидай меня!

– Я НЕЗАВИСИМА! – проревел Чёрт.

Пространство Хитёра растаяло.

Чёрт прыгал вокруг него, дурачась:

– Тюхе ты моя! Тюхе!

Лис смеялся, захлёбываясь.

Хитёр сидел злой на траве.

– Вставай, – сказал Чёрт. – Пойдём язык мыть – весь в слюнях.

Они спустились с холма.

У самого подножья Чёрт обернулся -

и увидел Чертыю с тринадцатю чертятами.

Он тихо пробормотал:

– Эх, чертят жалко... затюкает она их.

– Что? – спросил Хитёр.

– Ничего, – буркнул Чёрт, толкнув его в бок. -

Иди, давай, Тюхе.

Учителя Смерти

День проходил как обычно.

ВеРа сидела в своей глыбе и изучала папирусы Великой Истории, будто пыталась вычитать истину между строк, где она прячется – в интервалах, в паузах, где смысл не даётся, а ускользает.

Солнце умыло долину последними лучами и ушло в 18 градусов под горизонт, когда вдруг хлопнула дверь.

Что-то вошло в глыбу.

– Кто здесь? – громко спросила ВеРа.

Воздух задрожал, и голос, от которого сдвинулась сама твердь, сказал:

– Истин много. Суть – многогранна.

Иди в лес и слушай шёпот деревьев.

Дверь хлопнула вновь – и всё стихло.

Да так, что Тусклый, дремавший у стены, поперхнулся собственным тусклым тлением.

– Истин много, суть многогранна, идти в лес... любопытно, – пробормотала вампирка.

Она вышла из глыбы, и Тусклый поплыл за ней.

– Так а в какой лес идти? – спросила она саму себя.

– Привет, упырик, – донеслось сверху знакомым голосом.

ВеРа подняла голову.

– Привет, Луна.

– Привет, ВеРа, – сказал Лудус, проходя мимо по Тропе Идей, которая проходила возле глыбы ВеРы, на которой можно встретить новую свою идею.

– С кем разговариваешь?

– С Луной, – неуверенно ответила ВеРа.

– Бывает, – пожал плечами Лудус и пошёл дальше.

– Ты там что-то про лес бормотала? – с иронией спросила Луна.

– Да. Ко мне ворвался голос и велел идти в лес слушать шёпот деревьев.

Луна улыбнулась и устелила лунным светом дорогу в чащу.

– ИДИ И ВКУСИ ШЁПОТ, – произнесла она величественно.

ВеРа пошла по лунной тропе, Тусклый летел за ней.

Они шли долго. Мысли крутились хороводом над её головой, и она не заметила, как лунная тропа исчезла.

Теперь ВеРа стояла под пятном света Тусклого. Над ней нависли ветви деревьев, сплетённые так густо, что свет едва пробивался.

– Где мы? – спросила она.

– Своим крючком клянусь, не знаю, – ответил Тусклый.

Твердь задрожала. Шёпот поднялся вихрем – словно тысячи деревьев зашептались разом.

– ИДИ НА ГОЛОС, – раздалось из темноты.

ВеРа двинулась на звук, влетевший в левое ухо, пробира-

ясь сквозь густой туман ветвей шопота.

Тусклый зацепился за её куртку – ту, что сшила Чертья из кожи Дьявола, которую он сбрасывал раз в год.

– ИДИ НА ГОЛОС! – снова грянуло, теперь в правое ухо.

Шёпот стал ветром, и ВеРа, с трудом пробиваясь, шагала вперёд.

Тусклый тлел, едва держась.

– СТОЙ! – ударило громом.

Всё стихло. ВеРа снова стояла под деревьями, будто никуда и не ходила.

– Будешь так бегать на каждый голос – в Лес Искушений попадёшь, – раздалось за спиной.

– Смерть?.. – удивилась ВеРа.

Перед ней стояла Смерть с коктейлем шёпота в руке.

– А вампиры, я смотрю, здороваться разучились? – усмехнулась она.

– Привет.

– Привет.

– Это ты всё устроила?

– А кто ж ещё?

– Мы где?

– В Лесу Одной Истины.

– Почему одной?

– Потому что лес шепчет только одну – но каждый раз разную. И замолкает до следующей луны.

– А я думала, что истины в Истории...

– Направление там. Но смыслы – здесь. Смыслов много, истина многогранна -добавила Смерть.

– Было же наоборот.

– Разницы нет.

– Подумай, и одна из истин придёт, – сказала Смерть.

ВеРа задумалась. Ничего не происходило.

– Извилины треснут, – вздохнула Смерть. – Истина твоей матери заперта цепями в Истории. Этот лес тебе её не скажет. Думай о том, что тебе по-настоящему интересно но другое.

ВеРа посмотрела на Тусклого.

Вдруг твердь ушла из-под ног. Мгла укутала и пространство увидело её со всех сторон..

Атум насквозь пронзил сознание ВеРы, Вишну сковал дыхание и Митра светом связал всё от макушки до пят. ВеРа висела в воздухе с распростёртыми руками, взгляд обращён вверх.

И три голоса зашептали – в левое ухо, в правое и прямо в сознание.

Атум шептал прямо в сознание ВеРы – голосом прикосновения, самой пустотой:

– Сознание – не то, что знает, но то, что знает, что знает.

Оно порождается в бездне, когда бездна вдруг осознаёт себя.

И – взгляд в ничто, обратившийся внутрь себя и ставший

всем.

Когда ты ищешь истину, ты лишь ищешь то мгновение, когда ничто осознаёт себя чем-то. Всё, что ты видишь – лишь форма этого осознания соткана из материи.

И есть начало пути.

Вишну дышал в правое ухо – как волна о берег вечности:
– Без дыхания сознание свободно, но лишено жизни бытия.

Оно неподвижно, как зеркало перед зеркалом отражая тысячи себя.

Дыхание связывает пустоту и материю.

Дыхание – это вечность мгновения.

Что бы услышать осознание нужно остановить дыхание, а что бы услышать дыхание нужно остановить осознание. Но когда дыхание и осознание касаются друг друга, между ними рождается резонанс – дрожь, что пронизывает всё сущее.

В этом резонансе пустота и форма познают себя в бытие. Помни – сознание без дыхания неподвижно, дыхание без сознания бессмысленно.

Митра шептал в левое ухо, мягким светом в центр её сущности.

– Но и дыхание, и сознание – всего лишь стороны договора.

Без света, что соединяет их, нет бытия.

Договор связанный мыслью.

Без договора света не может быть жизни, ибо жизнь – это

доверие между невидимым и ощущаемым. Соединенный в одной клятве.

Бытьё – где дыхание, сознание и свет соглашаются быть единым.

И три голоса стали одним.

ВеРа почувствовала, как её рвануло вниз.

Мгла рассеялась – и она стояла на тропе. Смерть держала её за шиворот.

– Руки опусти, – спокойно сказала Смерть.

ВеРа заметалась как буд то взглядо что то хотела найти –

Три голоса в одном я, я должна знать что они хотели сказать – взволновано сказала ВеРа. Атум, Вишну, Митра – что они хотели сказать? – повторила она.

– Черепок треснет от их резонанса, – ответила Смерть.

ВеРа начала рассказывать всё, что помнила.

Смерть перебила её:

–Тихо-тихо девочка луны, я знаю, я чувствовала, не забывай это одна истина из многих и суть многогранна

.– А как понять её суть? – спросила ВеРа.

– Смотри, что ищешь. Познав одну грань, захочешь следующую, так как каждая грань смысл предыдущей.

– Ты же древняя, как сама История! – воскликнула ВеРа.

– Сама ты древняя, – усмехнулась Смерть. – Мои клыки, в отличие от твоих, на месте.

– Но ты ведь знаешь, как всё началось?

– До меня уже сменилось немало хранителей перехода.

Смерть заговорила мягко, будто вспоминая сквозь вечность:

Был Танатос – юноша с опущенным факелом, он гасил дыхание мирно, будто свечу. Потом – Морс, холодный и строгий, он предпочитал молчать.

Был Яма, мудрый судья, первый смертный, что стал владыкой мёртвых.

Была Хель, северная царица, наполовину живая, наполовину тень.

Был и Ангел Смерти – Азраил, Малак аль-Маут, без гнева и без милости.

И ещё раньше – Анубис, чёрный хранитель весов, проводивший души сквозь звёздную реку Дуата.

– Они все были до меня, – сказала Смерть, глядя в землю.

-

Я не древняя. Я – вечная и молодая.

И знаю лишь одно: всё имеет свой срок. Даже вечность.

– А где они теперь?

– Ушли глубже. Туда, где учение становится дыханием.

– Они – мои учителя.

Танатос научил меня покою,

Морс – тишине,

Яма – закону,

Хель – равновесию,

Азраил – повиновению свету,

Анубис – пути через тьму.

Смерть допила свой коктейль, отряхнула пыль шёпота с мантии.

– Так не перегружай свою холодную голову, упырик. Пошли к Чертье – наряды выбирать. Ведьменное представление скоро.

– Пошли, – радостно сказала ВеРа.

Там, где человек стыдится зверя, и зверь стыдится человека

Чёрт, Хитёр и Лис проспали на Тверди всю ночь – без задних лап и копыт.

Холмы высосали из них все силы, оставив пустоту и усталое дыхание.

Когда первые лучи солнца залили землю, Чёрт очнулся, пытаясь повернуть голову – мышцы ныли, будто налились свинцом.

Лис спал, уткнувшись мордой ему в живот, сопел мирно, как котёнок после воровства курицы.

Чёрт, не двигая шеи, осторожно поднял руку и вlepил Лису оплеуху прямо по носу.

Лис подскочил, визжа:

– За что?!

– За наглость, рыжий бес! – сердито ответил Чёрт. – Я, значит, на камне, а ты – на мне!

– Зачем так орать? – недовольно пробурчал Хитёр, не открывая глаз.

– Вставайте, – буркнул Чёрт. – Идём к ведьмам.

– А где холмы? – спросил Лис, осматриваясь.

– Может, это был Лес Холмов, и мы его прошли, – предположил Хитёр.

Они стояли на опушке: туман цеплялся за траву, как память за старую боль.

Редкие деревья тянулись вверх, словно не решались расти плотнее.

Воздух звенел влажной свежестью, а солнце светило мягко и задумчиво.

– Пойдём вдоль опушки, – сказал Чёрт. – Может, выйдем куда. Ведьмино Кольцо за пятью холмами – холмы прошли, значит, ищем.

Они шли долго.

– У этой опушки вообще есть конец? – ворчал Лис.

– Я не знаю, – устало ответил Чёрт.

Вдруг – треск ветвей, и из кустов прямо под ноги им выскочил кентавр.

От неожиданности Лис и Хитёр отпрыгнули в стороны, а Чёрт рухнул назад.

– Да как тебя мать рожала, конь безгривый! – пискнул Чёрт.

– С выражениями поосторожней, – усмехнулся кентавр, – а то вызову на копытный бой.

– Хирон?! – ахнул Лис.

– Он самый, – ответил тот спокойно.

– Так ты же там, с Прометеем, в искрах... того... отошли от жизни! – выпалил Лис.

– Это там, а не здесь, – ответил Чёрт Лису.

– Тебя же Геракл ранил в самую больную точку бытия –

в зад! – добавил Хитёр.

– Там, где человек стыдится зверя, и зверь стыдится человека, – театрально вставил Чёрт, поднимаясь.

Хирон фыркнул:

– Всё у меня хорошо. Тут, как Чёрт говорит, там вам ни здесь.

– Привет, чертила, – усмехнулся он.

– Привет, Хирончик, – ответил Чёрт, и они обнялись, будто старые друзья, пережившие не одну бурю.

– Что вы такие помятые, будто вас по ветру гоняли? – спросил Хирон.

– Холмы высосали всё, – буркнул Чёрт. – Ни злости, ни силы, ни чёртового задора.

Хирон постучал копытом по мху, глядя на них пристально:

– По глазам вижу, выкладываете, зачем к ведьмам направились?

Чёрт вздохнул:

– Беда у нас. Гномы играть перестали, золото плохо несут.

Хитёр почесал ухо:

– Думаем, ведьмы помогут. Они знают, как азарт вернуть.

Лис добавил мрачно:

– Ещё и Дьявол приходил. Сказал, что Чёрту рога обломает, Хитёру язык вырвет, а мне хвост оторвёт.

Хирон чуть склонил голову:

– И ты поверил?

– А как не поверить? Он ведь – Дьявол, – ответил Лис.

Кентавр рассмеялся тихо, почти с жалостью:

– Знаешь, чем он сильнее тебя, Лис? Тем, что ты дорисовал его слова.

Лис моргнул:

– Как это – дорисовал?

Хирон поднял веточку и провёл ею по воздуху, словно кистью:

– Он сказал: “оторву хвост”.

А ты уже представил боль, кровь, позор, конец всему.

Дьявол дал тебе кисть, а ты сам написал свой кошмар.

Лис опустил голову.

– Значит, он мне ничего не сделает?

– Сделает, если не научишься с ним договариваться, – ответил Хирон. – Не рисуй, шерстяной, ищи баланс.

Он встал и кивнул им в сторону леса:

– Пойдёмте. В пещере моей передохнёте.

Пещера оказалась небольшой, но дышала теплом.

Мох под копытами светился мягким изумрудным светом.

На пороге стояла она – Тианна.

Кентаврида, высокая и красивая, с глазами цвета янтаря.

Волосы её струились золотыми волнами, а голос был мягок и уверенный:

– Приветствую вас, – сказала она.

– Это Тианна. Моя, – гордо произнёс Хирон.

– КЕНТАВРИХА?! – выпалил Чёрт с открытым ртом от удивления.

– Кентаврида, – поправил Хирон.

Хитёр почесал ухо, смутившись:

– Мы... никогда не видели тебя у нас. Почему не появлялась?

Хирон улыбнулся:

– Здесь нам хорошо. Лес шепчет свои истории, поле даёт дыхание.

Тианна кивнула:

– Когда Луна восходит, проявляется болото химер. Оно живое. Химеры говорят с нами и играют. Ведьмы приходят сюда – за травами или просто поговорить.

Хирон добавил:

– Чтобы добраться до Ведьминого Кольца с восходом Луны, нужно пройти болото химер. Они сильны и опасны, но не для нас. Я с Тианной проведу вас.

Чёрт, Хитёр и Лис переглянулись – впервые за долгое время чувствуя, что страх отступает. Что наконец то они не одни.

Глава

Конец, начало и искушение

ВеРа и Смерть шли молча, пока не дошли до развилки из шести дорог.

Смерть остановилась, огляделась – и, не раздумывая, обняла ВеРу.

– К Каменному Лотосу! – громко сказала она.

Материя, услышав этот зов, дрогнула и, как дыхание, сомкнулась вокруг них.

Мир исчез, и в следующий миг они уже стояли у тропы, ведущей к озеру.

– Квант всё-таки молодец, – сказала Смерть.

Перед ними стоял Каменный Лотос.

Он был высечен самим Зевсом из сердца горы – для Геры, но Гера и Зевс ушли к краю к временному покою, и место это облюбовала Чертья.

Озеро полумесяцем оббивало Лотос и стоявшую у подножия глыбу.

Цветы устилали твердь вокруг лотоса и глыбы.

А плачущие ивы склонили над водой ветви – любуясь своим отражением.

– Здесь она, – тихо сказала Смерть.

И действительно: из-за глыбы вышла Чертья.

Статная, смуглая, в коженных одеждах от самого Дьявола

Кожа самого Дьявола – ежегодная шелуха его обновлённой плоти.

На коже играли отблески пламени из чёрного шёлка.

ВеРа ахнула – от красоты и грации.

– Девы мои! – воскликнула Чертья.

Они обнялись – крепко, по-настоящему, как обнимаются те, кто не видел друг друга вечность.

– Смерть, как всегда, холодная, а ты, ВеРа, светишься как-то неуверенно, - сказала Чертья, оглядывая подругу.

– Я... – начала ВеРа, но слова рассыпались, как стёкла.

Чертья улыбнулась.

– Ничего, сейчас подберём тебе одеяние.

Она щёлкнула пальцами – и из земли, прямо под ногами, выросли корни чёрной незабудки.

Они сплелись, завились, и через миг на ВеРе появились тонкие чулки, тёмные, мерцающие, будто сотканы из самой ночи.

Чертья щёлкнула пальцами и указала на глыбу.

-У входа на треноге

И ворон Шадрон (помощник Чертьи) принёс в клюве с глыбы платье: короткое, чёрное, с погонами, отливающими вороньим блеском.

Она накинула его на ВеРу.

– А теперь – встань, – сказала она. – И посмотри на себя.

ВеРа подошла к озеру и упала в нём отражением. Она покрутилась неловко, опустив глаза.

– Не упыри, так не пойдёт, – сказала Чертья. -

Ты всё ищешь уверенность в отражении.

Но зеркало – это всегда ложь: оно показывает оболочку, а суть не видит.

Она подошла ближе, положила ладонь на плечо ВеРы.

– Уверенность не в одежде..

Она – вот тут, – Чертья постучала пальцем ВеРе в грудь.

– Подыми подбородок.

Смотри на всех сверху, даже если внутри дрожишь.

Сила – это когда дрожь не видна.

ВеРа подняла голову выпрямив спину.

Чертья усмехнулась:

– Вот теперь – другое дело.

Ты – грок-пульсар.

ВеРа улыбнулась.

Чертья присела рядом, глядя в озеро:

– И помни. Даже Дьявол может встретить тебя в пекле -

весь в пепле и саже, чумазый, обгорелый, но заговорит с тобой так,

будто это ты вся в пепле и саже.

– Уверенность... Она не приходит от того, что вокруг одобряют или осуждают. Она внутри. Она – твоя. Всё осталь-

ное – попытки мира подстроить тебя под себя. Голоса, советы, крики – это не ты. Ты остаёшься ты, даже когда мир хочет, чтобы ты забыла, кем являешься.

ВеРа кивнула.

– Так, дорогая моя... – сказала Чертья, подходя к Смерти, и щёлкнула пальцами.

Мантия задрожала и будто вдохнула сама себя. Ткань ожила: струилась, изгибалась, сплеталась с воздухом, как жидкая тьма. Она обвиняла Смерть, подстраиваясь под каждое движение.

В одно мгновение ткань застыла. Перед глазами воцарилось длинное чёрное платье, спадающее до самой тверди. Бок-вые вырезы от бёдер до пяток казались живыми, тьма дышала сквозь них, открывая и скрывая одновременно. Рукава с отверстиями на ключицах обнажали их, но не слишком – создавалось ощущение интимности, а не вульгарности. Глубокий капюшон скрыл череп в мягкой тени, как будто сама ночь закрыла глаза, чтобы никто не видел её тайны.

Вставки в стиле пиджачного воротника с молниями от верха до низа придали платью строгость и графичность и ткань колыхалась и скользила вокруг тела, как живой поток. Казалось, что она ощущает мысли Смерти, реагирует на её шаги, обвиняет и освобождает, прячет и открывает.

Каждое движение платья создавало иллюзию, что сама тьма обитает внутри Смерти.

В этот момент становилось ясно: она не носит платье –

платье носит её, а мир вокруг замедлил дыхание, чтобы увидеть и запомнить эту тёмную магию.

–Упырится чесноком – сказала обалдевшая вампирка ВеРа смотря на Смерть в восторге.

Они втроём стояли у Каменного Лотоса -

Смерть, ВеРа и Чертя,

три силы: конец, начало и искушение.

Эхо Свитка Сознания VI

Пространство начинает дрожать.

Слово замирает, буквы становятся хрупкими, как кости, и вдруг слышится скрежет пера внутри черепа Смерти.

Это не звук – это трение мысли о пустоту, когда сама ткань повествования разрывается.

Плоть разумная ищет уверенность не в себе, но в одеждах своих и вещах своих.

она покрывает тело масками, как листьями, и говорит: «вот я – достойный, не зная, кто он есть.

И проходит каждый через отражение своё, видя не лик – но тень страха своего.

Исправляет он мнимые изъяны, и примеряет лица, удобные иным, забыв лик свой истинный.

А мир, что наг и прост, не знает сомнения, ибо уверен в сущности своей.

Но плоть, разумом ослеплена, мерит себя не собою, а образом чужим, и теряет душу, взывая к отражению а не к себе.

-Что это было? Спросила Чертья услышав скрежет в Смерти.

-Кости крутит – ответила Смерть у улыбкой и капелька

чернила которая вечно менялась и перемещалась по скелету
Смерти – застыла, на лбу стрелкой вверх.

Ведьмы

Кольцо, что дала ВеРе Кирка,
запульсировало брызгами света.

– Зовут, – сказала Смерть.

– Чертя может с нами? – спросила она.

– Нет, – ответила Чертя. – Есть там у меня одно недоразумение.

Они обнялись – и ВеРа с Смертью растворились в пространстве.

Материя сомкнулась,

и в следующий миг они стояли на узкой тропе посреди леса.

– Куда ведёт тропа? – спросила ВеРа.

– К подножью горы Броккен, – ответила Смерть.

– А что за недоразумение у Черты?

– Недоразумение недоразумением, – усмехнулась Смерть.

А вот что Чертя отказалась – к лучшему. Но не спросить я не могла. Потом всё поймёшь.

Они вышли на опушку у горы.

Там уже собрались гости дорогие.

На поляне стояли ведьмы:

Кирка, Медея, Геката, Исис, Ламия, Моргана ле Фэй, волхвицы и Суламита.

Чуть в стороне, опершись о ель, стояла Лилит -
а рядом с ней, в смокинге, стоял Дьявол.

Они ворковали, будто весь мир им принадлежал.

В ряд стояли кресла из корней деревьев.

На одном из них, как всегда, в гамаке из паутины,
устроилась Ленивая Фея.

Рядом сидел Vellugion – в белом, как снег, костюме,
с капюшоном, скрывающим лицо тьмой,
и пил коктейль.

Музы переливались смехом,

болтая с ведьмами,

и звон их голосов катился по поляне.

– ВеееееРаааа! – раздался крик.

Кратосквинта налетела,

обняла ВеРу за плечи.

– Привет! – улыбнулась ВеРа и крепко обняла её в ответ.

– ВСЕМ ПРИВЕТ! – громко крикнула Смерть.

И ветер мурашек пробежал по спинам гостей.

Все обернулись и враз хором ответили:

– Привет!

Смерть направилась к ведьмам и Музам.

По поляне ходили две Гримеллы -

бесёнки-близняшки Фира и Лура,

вечно гремящие бокалами и разносили коктейли.

Смерть взяла у Луры коктейль -

«Вальпургиевый»,

с ароматом костра и поэзии.

– Что вы нам приготовили, девочки? – спросила она.

– Поэтическую мистерию, – ответила Медея с лёгкой улыбкой.

– Пока ждём Сатану и главных героев, наслаждайся Фиерией, общением и нашими новыми коктейлями, – добавила Исис.

Фиерия летала над поляной,

заполняя воздух магическим блаженством.

Дух Перевоплощения спорил с духом Декора, переставляя декорации и ругаясь на ходу.

Сёстры Слухи кружили над всем,

ловя каждое слово, чтобы ничего не упустить.

Ведьмы любовались нарядами,

и вдруг Смерть ощутила дрожь в костях.

– Что с тобой, Смертушка? -

спросила Геката, увидев взволнованные глазницы Смерти.

– Кто-то зовёт...

Понять не могу. Голоса не слышу – чувствую.

Но зов – не уходит, – сказала Смерть,

и в её голосе звенел холод тревоги.

Геката открой путь к голосу зовущего.. попросила Смерть.

– Так тебя никто не отпускал, -

мягко сказала Геката и подошла ближе.

– Поступим по другому.

Она обняла Смерть,
поцеловала в височную кость
и не отпускала, пока пространство за спиной Смерти не
дрогнуло и не расступилось.

Из пространства вывалилась эльфиня – СияМи,
в мантии от Vellurion.

А за ней – её тень.

– Ещё писклявых эльфиек нам тут не хватало, -
грозно сказала Геката.

СияМи, оглядевшись, воскликнула:

– Фия себе карнавал у вас! -

и вдруг посерьёзна:

– Смертушка, беда у нас.

Старенькая эльфийка ЛияВель – в безумие ушла.

Хаос принесла.

Про тебя не помнит,

плохо ей... Очень плохо.

Эльфинит она в безумии и назад не разэльфинит.

Чары её – безумны.

– А мы сейчас, видишь ли, чуть-чуть заняты, -

иронично сказала Геката,

наклоняясь к СияМи.

Эльфийка обиженно, но гордо

отвернула подбородок вверх,

а потом резко распахнула мантию.

Мир ослеп.

Из мантии вырвался свет счастья,
и ведьмы, музы, даже Сёстры Слухи замерли,
любясь сиянием.

– Ситуация нестандартная, -

сказала она тихо. -Хорошо. Пойдём посмотрим на Ли-
яВель – сказала Смерть.

СияМи захлопнула мантию и взглянула на свою тень.

– Геката, я скоро вернусь, -
сказала Смерть.

– Стоять, -

строго произнесла Геката и протянула три кольца.

– Надень.

Как только все три запульсируют -
мистерия начнётся.

Если справишься – они вернут тебя прямо сюда.

Смерть надела кольца,
кивнула и улыбнулась.

Она взяла СияМи на руки -
и пространство начало дрожать.

Но вдруг через них пронёсся ураган -
сбив ритуал.

Ритуал (тот самый)
рухнул рядом с Смертью,
недовольно морщась.

Из урагана вышел Сатана -

в элегантном чёрном костюме,
на стоячем воротнике,
с белым галстуком и очками от Vellurion.

Смерть оглядела его и восхитилась:

– Матушки без трусов... какой красавчик!

– И вы, Смертушка, восхитительны, -
сказал Сатана,

подойдя чуть ближе.

– Ваши обнажённые ключицы... сногшибательны.

– Смертушка, Смертушка, некогда нам! -
торопила СияМи.

И Смерть с эльфийкой растворились во вихре материи.

– Приветствую, девушки и парни! -
громко сказал Сатана. -

Куда это Смерть унесло?

– И вам не хворать, -
ответила Мельпомена.

– По делам смертным, – добавила она.

– А где же ДьявоЛина? – спросила Каллиопа.

– Занята, – ответил Сатана. -

Сейчас очень занята.

ДьявоЛина живёт в пекле под вулканом,
жаркая и страстная,

плетёт алхимические сговоры, ссоры, обманы, заговоры.

Свободное время проводит с Сатаной -

ибо его стойкий нрав остужает её пламя,

а она дарит ему страсть и огонь.

Рассказала История Сестрам Слухам и захлопнулась. А
рты от истории у Слух не захлопнулись.

Радость Безумия

Смерть, скукуёжаная до роста эльфов, и СияМи шли в движущемся тумане к хижине ЛияВель.

Туман стлался по тверди, как живое дыхание сна.

У хижины Смерть увидела странных существ:

эльфа с шестью крыльями, который кружился вокруг себя и падал,

другого – с четырьмя глазами,

и ещё одного – с цветами на голове вместо волос.

А из-за хижины выбежал наполовину эльф, наполовину эльфиня.

– Это всё ЛияВель, – тихо сказала СияМи. – Она не ведает, что творит. Эльфы боятся к ней заходить. Я, пожалуй, подожду здесь.

– Чары уйдут вместе с ЛияВель, – добавила она.

Смерть посмотрела на СияМи и, не говоря ни слова, вошла в хижину.

Там царил хаос.

Книги ругались между собой, вырывая друг у друга папирусы,

вилки и ложки вели войну за полку,

картины пели непристойные песни,

а ковры, сжавшись, сидели в углу.

На кровати лежала старенькая ЛияВель с суровым взглядом.

дом.

– Кто ты, старая женщина? – строго спросила она.

– Я? – удивилась Смерть.

– Ты! Ты, старуха!

– Я ещё молода, – спокойно ответила Смерть и вдруг, разом, жутким криком, от которого туман за дверью дрогнул,

закричала: – Я СМЕРТЬ!

От этого крика СияМи вздрогнула снаружи, а в хижине книги на миг притихли.

– Смерть и Смерть, – пробормотала ЛияВель, – но зачем так орать?

Зачем пришла? Я тебя не звала. Уходи.

Смерть пододвинула кресло и села рядом.

– В таком состоянии я тебя не поведу, – сказала она.

– А я и не пойду, – ответила ЛияВель.

– Посмотри мне в глаза, – попросила Смерть.

– Так у тебя и глаз-то нет, что мне в эти дыры смотреть, – отрезала эльфийка.

– И вообще, я от тебя устала, – добавила она.

В ту же секунду рядом с Смертью появилась маленькая Смерть, ростом до колена.

Она визжала, носилась вокруг и пыталась ударить большую Смерть по берцовой кости.

Смерть подняла ноги на кресло и, обняв колени, рассматривала себя маленькую.

– Вот тебе подруга, – сказала ЛияВель. – С ней и болтай.
Только с обратной стороны двери.

Смерть рассматривала ЛияВель – один зрачок маленький,
другой огромный.

– Разум не покинул её, отвечает, видит, осознаёт,
тело недвижно, но голова жива... состояние критическое,
– пробормотала Смерть.

Она вышла наружу. Маленькая Смерть носилась вокруг
хижины,

гоняя наполовину эльфа с эльфийкой.

– Кто это? – удивилась СияМи.

– Подруга, – задумчиво ответила Смерть.

– Что она ела или пила до этого? – спросила Смерть. -

Я пыталась посмотреть, а там тарелки и чашки ведут пе-
реговоры

по урегулированию конфликта ложек с вилками.

– Эльфинит как прокажённая, – сказала СияМи.

– Эльфийка ДамаВель, её внучка, суп принесла с цветения
крапивы,

застала её уже в этом состоянии. ЛияВель превратила
внучку в эльмухтю.

– В кого? -

– В эльфийскую муху. Вон она, бьётся о стекло,
вылететь хочет, а в руки не даётся.

Смерть задумалась:

– Ничего не ясно.

Она схватила маленькую себя за капюшон и снова вошла в хижину.

– ЛияВель, помнишь, как мы гуляли в лесу мудрости? Ты собирала цветы для отвара?

– И что, помогли? – сухо спросила та.

– Так, память отключена, – прошептала Смерть.

– Что ты там шепчешь, старая? – крикнула ЛияВель.

– Спрашиваю, когда ты успела свою мудрость в безумие превратить! -

передразнила Смерть.

– А может... -

Смерть сунула руку в маленький кармашек в платье, достала горсть песка с тверди Леса Бытия и дунула на ЛияВель.

Перед глазами вспыхнул образ – Безумие.

Оно сидело прямо на голове эльфийки.

– Вот ты где, зараза... Как же ты горизонт стража пересекла? – удивилась Смерть.

– Снимать нельзя – разум с собой оторвёт, – пробормотала она.

– Есть одна мысль.

Смерть вышла наружу.

– СияМи, пойдёшь за мной. Когда скажу – скинешь мантию и не надевай, пока не скажу.

– А если она меня в горшок ночной заэльфинит? – возмутилась та.

– Звала – помогай, – строго сказала Смерть.

СияМи вздохнула и вцепилась в платье Смерти.

– Ты ждёшь здесь, – сказала Смерть тени СияМи.

Они вошли в хижину.

Смерть посыпала песком голову ЛияВель.

– Видишь? – спросила она.

СияМи увидела чудовищный силуэт с шестью руками и ногами, с множеством голов.

Две руки впились в голову ЛияВель, остальные двигались хаотично.

– Кто это? – дрожа, спросила СияМи.

– Безумие, – восхищённо ответила Смерть.

Она достала из кармана платок от Vellurion, сотканный из самой Тьмы.

Накинула его на глаза ЛияВель и сказала:

– СКИДЫВАЙ МАНТИЮ!

СияМи отбросила мантию, и сияние Радости заполнило хижину.

Посуда, книги и ковры упали, словно от блаженства.

Безумие застыло, руки и ноги слились в одно тело, оно дернулось – и прыгнуло на СияМи.

– АААААА! – закричала эльфийка, выбегая наружу.

Сияние вырвалось за стены, обдав всех Радостью.

Эльфы пили свет радости, как воду.

Через минуту СияМи, запыхавшись, оглянулась. Никто не гнался.

Она подняла подбородок и гордо зашагала обратно.

Смерть сидела рядом с ЛияВель – и та улыбалась.

– Можно? – спросила СияМи.

– Можно. И накинь мантию – не гоже так носиться, – сказала Смерть.

– Где Безумие?

– Тут, – Смерть показала завязанный платок. – Поймала.

– Почему оно стало маленьким?

– Потому что нет пищи разума, – ответила Смерть и спрятала платок в карман.

– ЛияВель, жаль, что не попросаешься с внучкой.

Безумие заэльфило её. Только когда ты уйдёшь, чары спадут.

– Эх, – выдохнула ЛияВель.

– СияМи, подойди. Снимай мантию.

Эльфийка сняла мантию, и глаза ЛияВель наполнились счастьем.

Минутка времени, странное существо с одной стрелкой, ползущей справа налево,

вышла из воздуха и запела:

– Тик-так... тик-так...

Звук был сладкий и страшный.

Минутка издала последний курант, дрожь прошла по коже -

и она исчезла.

– Пошли, – сказала Смерть и взяла ЛияВель за руку.

Эльфийка поднялась, словно юная, и улыбнулась:

– Пошли. Только скинь меня с края, хочу снова ощутить полёт,

пока не нырну в Забвение.

У Смерти аж челюсть перекосило, одна глазница удивлённо округлилась.

– Как скажешь, – сказала она,
и они растворились в пространстве.

Болото Химер

– Вечереет, – сказал Хирон.

– Пора собираться, – добавила Тианна. – Что бы вы ни увидели, не верьте своим глазам.

– Мы уже такого навидались, что и сказке не пересказать, – усмехнулся Хитёр.

– Слушай, что говорят, языкатый, – буркнул Чёрт.

Хирон вынес три ошейника на цепях и протянул им:

– Надевайте.

– Мы что, собаки? – возмутился Лис.

– Можешь идти без, – спокойно ответила Тианна. – Но если погрязнешь в болоте – останешься тут навеки, химерам служить духом лисьим.

Лис пробурчал, но надел.

– Я поведу этих двоих, – сказал Хирон. – А ты, Тианна, возьми Лиса.

Они вышли к краю леса.

На горизонте встретились восходящая Луна и уходящее Солнце – сумерки стекали вязкой мглой. Под ногами зашевелилась твердь.

– Осторожно, – прошептал Хирон. – Здесь не грязь. Здесь мысли тонут.

Цепи натянулись. Земля дышала, будто спящее чудовище.

Из чёрного тумана поднялось существо с львиной голо-

вой, козлиным телом и змеиным хвостом. Оно изрыгнуло пламя и стало обходить их, разглядывая.

– Приветствую, дитя Тифона и Ехидны, – громко произнёс Хирон.

Существо нырнуло в болото, подняв грязевую волну.

– Так хозяйка поздоровалась, – сказал он. – А теперь у каждого – своя химера.

– Прекрасна, – вздохнула Тианна.

– Прекрасна?! – взвизгнул Лис. – Я, кажется, поседел от страха!

– Тихо, – рывкнула Тианна и дёрнула цепь.

Лис обернулся – и застыл. Перед ним стоял он сам... но без кожи.

– Они тебя ведут на убой, – прошипел лысый двойник и засмеялся.

– Куда? – шепнул Лис.

– Не верь глазам, – сказала Тианна, но её голос тонул в тумане.

Безшкурый Лис сменил облик – стал облезлым волком с лисьей мордой.

– Вот ты кто... – усмехнулся он. – В этой компании, а мог быть... – и превратился в статного Лиса с цилиндром и тростью. – Пойдёшь со мной – будешь таким.

Сотни лап начали вылезать из болота, хватая Лиса за ноги. Он выдыхался, земля всасывала его медленно и жадно. Перед глазами плыло: Тианна – как отблеск, далёкая, нераз-

личимая.

Слева – роскошный Лис и Лисанье, протягивающая кувшин молока.

Справа – облезлый, без шкуры, волк, глумящийся из глумбины.

– Хочешь свежего молочка, мой Лис? – прошептала Лисанье.

– Да, очень... – ответил он и протянул лапу.

Ошейник дёрнулся. Воздух исчез. Тьма сомкнулась.

Хитёр закрыл глаза.

«Думай о богатстве. О славе. О блеске...»

– Привет, полукровка, – прошипел голос у самого уха. – Не давит ошейник?

Он споткнулся и упал. Перед ним лежали десятки мёртвых Хитёров – все с его лицом.

– Это ошибки твоих друзей, которых ты прощал, – сказал другой Хитёр в дорогом костюме, цокая каблуками по болоту. – Все они – твоя слабость.

Он бросил ему цепь:

– Вот их подарок.

И болото ожило.

Лис и Чёрт избивали его отражение, смех звенел гулко и мерзко.

Слева появилась Тюхе – звонкий смех, как музыка.

Справа – крики и хохот.

Хитёр потянулся к Тюхе, но не мог сделать шаг. Шея была в огненном захвате.

Чёрт увидел как с право его за рог тащит злая Чертья по раскалённой лаве пекла Дьявола и он весь в ожогах пищит. А с лева Чертья расчёсывает ему бороду и натирает до блеска рога, целуя его. А по центру идут два черта один воняет гарью и кульгает, а второй гордый с отполированными рогами и две Чертьи им шептали в уши, та что с право

– Слабак ты, тряпка и подстилка Дьявола, сам ты полный ноль и немощен.

А та что с лева.

– -Смотри как ты прекрасен и уверен, останься со мной и будешь счастлив. И шёпот разрывал его голову на две части он пытался убежать но хват за шею не пускал.

И вдруг – тишина.

Перед ними два Игральных дома.

В одном – балы, смех, вино, важные лица.

В другом – грязь, крики, пьянство, издевательства.

А между домами – котёл.

В нём – они трое: Чёрт, Хитёр и Лис.

Слева Чертья, Тюхе и Лисанье плачут и молят о пощаде.

Справа – те же, смеются и пляшут.

А над ними – Дьявол с шестью рогами и двумя рядами зубов, слюной исходиться, предвкушая пир.

И бытие обняло их Любовью Ненавистью и Страхом и

рухнуло все о твердь.

Они лежали на лужайке у леса. Воздух пах свежей травой.

Рядом валялись ошейники.

Хирон и Тианна стояли в обнимку.

– Прошли? – хрипло спросил Чёрт.

– Прошли, – ответил Хирон.

– А как вы через болото ходите? – спросил Лис.

Тианна улыбнулась:

– Пока ты их боишься – они растут.

Пока отвергаешь – властвуют.

Пока любишь – тащат.

Только тот, кто знает свои истинные желания и не стыдится их, перестаёт быть пленником иллюзий.

Чёрт в платье

– Идут, – сказала Ламия, глядя в сторону троп. – Чувствую, идут.

По другую сторону.

Лис обернулся. – Где ведьмино кольцо?

– Они свою деревню прячут на распутии дорог и троп, в Лесу Блудливом, – ответила Тианна.

– И как мы туда попадём? – спросил Хитёр.

И в тот же миг Луна пролила серебро своего света, вытягивая дорожку сквозь тени Леса.

– А вот и ответ, – хмыкнул Хирон.

– Пошли быстрее. Хватит с меня всего этого, – недовольно пробурчал Чёрт и зашагал первым.

Долго ли, коротко ли шли – вышли на поляну.

И увидели всех, кто уже собрался на ведьмино веселье.

– Привет, наши хорошие, – поприветствовали Хирон с Тианной.

– Привет-привет, проходите, – сказала Медея.

– Привет, Хитёр, Лис да Чёрт – мы вас заждались, – добавила она.

– Привет, – буркнул Чёрт и быстрым шагом направился к Дьяволу.

А Фира и Лура, гремя бокалами, подбежали к Лису и Хитёру.

– Угощайтесь, сегодня коктейль Вальпургиев, – сказали они и протянули бокалы.

На поляне зазвучал смех, мерцали огни.

И тут Сатана окликнул:

– Привет, мой друг рогатый! Сколько лун тебя не видал!

– Привет, Сатана, классно выглядишь, – ответил Чёрт, проходя мимо. – Мне Дьявол нужен, чуть попозже.

Он подошёл к Дьяволу, лицо напряжено от злости.

– Слушай, что за потеху ты устроил? Ты издеваешься? Что музы здесь забыли? И Лилит здесь, и Сатана, и Слухи... А холмы, болото... Не мог нас сразу без всего этого привести?!

– Прости нас, Лилит, – сказал Дьявол, схватил Черта за рог и затащил за дуб.

– Ты что, рога попутал? Чего пищишь? – зарычал он.

– Устал, как Чёрт, холмы меня испили, а тут – веселье и песни, – буркнул Чёрт.

– Так это ведьмин уговор, – ответил Дьявол. – Иди и соблюдай любезность. Забудь, что ты Чёрт, ты – гость. А если ещё пиццать начнёшь – трусы на рога натяну!

И вытолкал его из-за дуба.

Чёрт подошёл к Лису и Хитёру:

– Что-то сажей тут воняет. Надо уходить.

К ним подошла Кирка.

– Идёмте, устали вы с дороги, – сказала она. – Нужно набраться сил.

За кустами стоял накрытый стол, полный блюд.

– Курочка! – не сдержался Лис и нырнул к столу.

– Вас тут никто не побеспокоит, – добавила Кирка, протягивая Чёрту бокал. – Коктейль Вальпургиев тебе понравится.

Она ушла.

– Мне всё это не нравится, – буркнул Чёрт.

– Да ладно! Курочка, лапы отгрызёшь, ешь – радостно сказал Лис.

И тут вдруг раздался музыкальный гром.

На поляне вспыхнула Феерия.

– Встречайте! – заорала Программа и Гвоздь. – Кратосквинта и её группа РудаСталиКорн!

Луна повернулась обратной стороной-лицом, завывала, и осветила сцену.

Кратосквинта шагнула вперёд и запела:

Давай ты станешь ведьмой, А -

Ты снова скинешься с моста.

Через мою трубу влетишь в мою постель -

Тебя свяжу, не отпущу.

Сказки небылицы – ночью все девицы спят.

Сказки небылицы – ночью все девицы спят.

А погадаем на луну (Луна услышала и взывала снова – УУ-УУуууууу),

На обнажённую мечту,
С которой будем вместе спать,
И тосковать, и танцевать!

Сказки небылицы – ночью все девицы спят.
Сказки небылицы – ночью все девицы спят.
Ведь Вальпургиева ночь прошла,
Пронумерована душа,
Ты прилетай, люби меня,
Метлу оставь ты у окна.
Закрою я свою трубу,
И никуда не отпущу.
Ты будешь ведьмою моей, моей!

Сказки небылицы – ночью все девицы спят.
Сказки небылицы – ночью все девицы спят.

Am / C / E / Am / G / Am / C / E / Am

Последние аккорды затихли.

Барабаны разорвались каскадом – БАХ!

И только довольный голос Лиса, допивающего третий бокал:

– Сказки небылицы, ночью все девицы спят...

– Закрой пасть! – рявкнул Чёрт. – Это точно не для нас представление.

И снова появилась Кирка.

– Ну что, силёнок набрались? – спросила она.

– О да! – ответил Лис, облизывая жирные лапы.

– Мы вообще-то по делу, – сказал Хитёр.

– Знаю, – ответила Кирка. – Вам нужно в Деревню Отражений. К Зеркально-Безликой Ведьме.

– Зачем? – нахмурился Чёрт.

– Кривое зеркало азарта. Больше не скажу – сама не знаю, – ответила она.

– И как попасть к Безликой?

– Фира, Лура! – позвала Кирка.

Фира и Лура примчались с подносами, где стояли три чаши с зельем.

– Не-не-не, – замахал руками Чёрт. – Уже проходили!

Лис заржал как проклятый, Хитёр едва дышал от смеха:

– Это когда Геката тебя зельем напоила за обман в Игральном доме, а ты потом в платье с бантиками у горы Ной-ритмз пархал!

– Ещё и без трусов! – добавил Лис, захлёбываясь смехом.

– Рты свои грязные закрыли! – рявкнул Чёрт.

– Ну как хотите, – пожала плечами Кирка.

– Стой! – сказал Чёрт. – Зелье точно к Безликой отведёт?

– Точно-точно, – ответила она.

– Ладно, – сказал Чёрт и выпил.

Лис и Хитёр переглянулись – и тоже выпили.

А в этот момент, далеко от поляны, Смерть, возвращаясь

от края, почувствовала, как засветились все три кольца.

– Поэтическая мистерия началась, – прошептала она.

И растворилась.

Проявилась уже на поляне.

– Что пропустила? Что было? Когда началось? – суетилась

Смерть.

– Почти ничего, – ответила первая Слуха.

– Только песню Кратосквинты, – добавила вторая.

– Да, да – подтвердила третья.

– И Дьявол Черту трусы на рога собрался натягивать, – пропищала четвёртая.

Смерть посмотрела на Дьявола с приподнятыми глазницами.

– Да успокойся, пищат не пойми что, – сказал он ей.

– Присаживайся, Смертушка, скоро начнётся, – сказала Геката, указывая на кресло из корней, меж собой и Терпсихорой.

Мистерия Ме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.